

СОЛНЦЕ ЦВЕТА КРОВИ

ДМИТРИЙ КАЗАКОВ

Солнце севера

Дмитрий Казаков

Солнце цвета крови

«Автор»

2004

Казаков Д. Л.

Солнце цвета крови / Д. Л. Казаков — «Автор», 2004 — (Солнце севера)

ISBN 5-93556-363-0

Сирота Ивар избежал смерти под жертвенным ножом лишь потому, что согласился стать викингом. И теперь вместе с отрядом морских удальцов недавний батрак отправился в древнюю, окутанную туманами Британию. Обычный поход за славой и золотом приводит викингов ко двору короля Артура. Северянам предстоят схватки с чудовищами и колдунами, предательство союзников и ненависть врагов, встречи с удивительными существами и кровожадными богами...

ISBN 5-93556-363-0

© Казаков Д. Л., 2004

© Автор, 2004

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	15
Глава 3	26
Глава 4	36
Глава 5	46
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Дмитрий КАЗАКОВ

СОЛНЦЕ ЦВЕТА КРОВИ

Официальная страница Дмитрия Казакова:

<http://www.svenlib.sandy.ru/loky>

Здесь можно найти его тексты, критику, иллюстрации и многое другое.

Глава 1

НЕУДАВШАЯСЯ ЖЕРТВА

Дверь заскрипела противно, точно скупая старуха, у которой пытаешься выпросить корку хлеба. Ивар в ужасе вздрогнул и, вскочив, принялся поспешно натягивать штаны. Увлеченно стонавшая до сего момента Рагнхильд открыла глаза и скорчила изумленную гримаску.

Вслед за скрипом двери сарай сотряс рык, и удивление в испуге удрало с точеного личика девушки. На смену ему явился страх.

– Совратитель! – В голосе кричавшего звучала дикая ярость. – Убью!

Ивар, руки которого дрожали, совладал наконец со штанами и заметался в поисках спасения. Бонд Аки Золотая Борода, так некстати проснувшийся до рассвета в это утро, бросился на него с диким ревом. Рагнхильд, точно испуганный дикий зверек, прижалась к стене.

Ивар легко уклонился от огромных ручищ бонда, несколько неповоротливого из-за нежной любви к пиву, бросился к двери, вылетел во двор и упал, поскользнувшись в луже, которая осталась после вчерашнего дождя. Во все стороны радостно плеснула грязь, липкие брызги осели на лице.

Ивар успел подняться, но страшный удар обрушился ему на затылок. В голове загудело, перед глазами замелькали разноцветные круги, но все быстро исчезло в накатившем непонятно откуда шуме прибоя...

Очнулся Ивар оттого, что вокруг почему-то оказалось сыро. Холодная вода текла сверху, и ее было много. Одна из струек попала в нос, и он чихнул.

– Шевелится, гад, – с неподдельным сожалением проговорил чей-то смутно знакомый голос. – Жив! Надо было сильнее бить...

Ивар ощутил, что лежит на земле, что ужасно болит затылок и еще – что он очень сильно боится.

Подняв веки, он понял почему.

Три пары одинаковых светлых глаз, две из которых принадлежали сыновьям бонда, смотрели на него с откровенной, удушающей ненавистью. Если бы взглядом можно было убить, то Ивар скончался бы уже раз восемь...

– Отец! – раздался сбоку дрожащий от страха голосок Рагнхильд.

– Иди в дом, шлюха! – грубо прорычал Аки Золотая Борода. – С тобой мы потом поговорим... Послышался звук шагов, затем все стихло. Ивар чувствовал, что замерз, под ледяными взглядами его начало трясти.

– Я, – выдавил он. – Может...

– Лежать, тварь! – сказал один из сыновей Аки и для убедительности пнул Ивара ногой в бок. Там что-то хрустнуло, по телу стегнула сильная боль. – Что с этим будем делать? Сразу убьем или сначала помучаем?

– Тихо, сын! – Аки Золотая Борода нагнулся ниже. Лицо его выражало странную смесь скорби и гнева. – Ты, скотина неблагодарная! Когда ты нищим голодранцем пришел сюда из

Уплленда, я приютил тебя, хотя хромым козлом кузнеца тебе более близкий родственник, чем я! Я дал тебе жилье и работу! А ты, чем отплатил ты?

В рыке бонда звучало настоящее горе.

– Я, – забормотал Ивар, – не виноват... я не хотел... не знаю, как так получилось... Это не я!

– Не ты?! – взревел Аки Золотая Борода. – А кто? Может быть, тролль с Туманной Горы или сам Херьян?

Тащите его в клеть! Запрет пока там, а потом разберемся...

Братья грубо схватили Ивара за плечи и, не давая опомниться, поволокли за собой. Клеть, находящаяся рядом с жилыми комнатами под одной крышей, предназначалась для хозяйственных орудий. Но места в ней хватило бы и для человека.

Ивара грубо швырнули на холодный пол. Проскрежетал задвигаемый засов, и все стихло. Он остался один в темноте. Саднил ушибленный бок, трещала голова, и ужасно хотелось есть.

Пришли за ним только после полудня. За это время Ивар успел не менее ста раз проклясть себя за то, что посмел даже поднять глаза на дочь бонда.

Понадеялся на то, что никто ничего не узнает! Тупица!

Когда в коридорчике, ведущем к клетке, послышались шаги, он сидел, прижавшись спиной к стене и обхватив колени. Ушибы болели не так сильно, как утром, но голод терзал внутренности, а горячая тяжесть внизу живота давала знать, что пора бы сходить до ветру...

Дверь с треском распахнулась.

– Вылезай, – мрачно бросил младший из сыновей Аки.

Дрожа точно осиновый лист, Ивар выбрался из клетки. Страх бродил по его внутренностям, превращая их в нечто студенистое, ноги юноши едва не подгибались. Во дворе ярко светило солнце, откуда-то тянуло вкусным запахом свежего хлеба. От этого аромата у Ивара забурчало в животе.

Но бурчание прекратилось, как только он увидел того, кто стоял у двери и беседовал с хозяином. Старейший из бондов селения Хальтдален, Соти Согбенный, исполнявший в общине обязанности жреца, был мрачен. Нож на его богатом, расшитом золотом поясе предназначался как раз для жертв.

В душе Ивара зашевелились нехорошие предчувствия.

За спинами хозяина хутора виднелись перепуганные домочадцы Аки. Рагнхильд стояла, кусая губы, ее чудные голубые глаза были полны слез. Сам Аки Золотая Борода расположился у порога, волосы его, сохранившие цвет, несмотря на возраст бонда, блестели на солнце драгоценным металлом.

– Так убил бы его, и все! Зачем меня звать, клянусь вратами Асгарда? – сварливо спросил Соти, согнутый, точно рыболовный крючок.

– Просто убить – этого мало! – зло ответил Аки Золотая Борода. – Я хочу, чтобы он и после смерти мучился!

– Как ты его ни убьешь, он все равно отправится в Хель, – пожал плечами Соти.

– Ты забыл об одном случае, о мудрейший! – широко улыбнулся Аки. – Принесенные в жертву люди попадают в вечно кипящий поток, где души их гложет дракон Нидхегг!

Ивар ощутил, как челюсти его задвигались сами по себе, а зубы пустились в пляс, выстукивая дробь. Купание в кипящем потоке вовсе не привлекало его, не говоря уж о глотании драконом...

– Давненько мы не приносили человеческих жертв, – с одобрением проговорил Согбенный. – Пожалуй, пора... Боги будут довольны! Пойдем!

И, крихтя, он развернулся, явно намереваясь покинуть двор.

Но сначала Аки махнул сыновьям, и, прежде чем Ивар успел выразить несогласие с происходящим, ему заломили руки и повели к воротам. Перед глазами юноши проплывала бурая, глинистая земля, покрытая лужицами.

Ему осталось жить ровно столько, сколько понадобится бондам, чтобы добраться до святилища, расположенного за пределами селения, на высоком холме у самого берега реки Гауль. Зубы перестали стучать, а весь страх сжался в нечто вроде ледяного кома в глубинах живота...

Бежать – не выйдет, да и некуда, кричать – бесполезно...

Остается только умирать.

Его провели через все селение, где за бондами увязалось немалое число любопытных. Человеческое жертвоприношение – зрелище редкостное, так отчего бы не поглазеть?

Дорога начала подниматься, как бы напоминая о том, что святилище близко, когда ноздрей Ивара коснулся резкий запах лошадиного пота. Почти сразу сыновья Аки остановились и несколько ослабили хватку. Ивар смог поднять голову.

На дороге, перегораживая путь, расположились трое всадников. Передний из них был очень широкоплеч, белые волосы волной падали на плечи, а у пояса висел меч. Разглядеть других Ивар не успел.

– Куда ты ведешь этого человека, Аки? – проговорил блондин голосом холодным, точно северный ветер.

– Не твое дело, Хаук! – В голосе бонда слышался страх, а Ивар неожиданно ощутил, как напряглись держащие его сыновья Золотой Бороды.

И неудивительно – связываться с морским конунгом, известным в Трандхейме и сопредельных землях как Хаук Лед, отважился бы только безумный. Все, кто ссорился с ним, очень быстро понимали свою ошибку, обнаружив лезвие меча у себя в животе или в голове.

– Ты прав, – без тени улыбки сказал Хаук. – Мне просто интересно.

– Это мой работник, – с облегчением вздохнув, ответил Аки Золотая Борода. – Мы собираемся принести его в жертву Тору... или Одину. Еще не решили, в общем.

– И за что ему такая честь? – спросил один из спутников Хаука, лысый шуплый старик с неожиданно острым взглядом.

Третий всадник – невысокий юноша едва ли старше Ивара ухмылялся и поглаживал подвешенный к седлу небольшой топор. Улыбка его была очень нехорошей. От нее хотелось спрятаться.

– Он поднял... хм, руку на мою дочь! – заявил Аки Золотая Борода, глядя на всадников с вызовом. – И я имею право покарать его, как хочу!

– Вот как? – На застывшем, точно каменном лице Хаука появилось нечто вроде удивления. – Он поднял... хм... руку на красавицу Рагнхильд, о которой идет молва от острова Ньярдей до Раумсдаля? И как, успешно?

– Да! – гордо ответила Рагнхильд, которая, вопреки запрету, последовала за отцом.

– Замолчи! – яростно рявкнул Аки Золотая Борода, оборачиваясь к дочери. – Марш домой!

– Это интересно, – проговорил Хаук Лед, не обратив внимания на вспышку бонда, и впервые посмотрел прямо на Ивара. Глаза его оказались очень светлыми, точно и вправду сделанными из льда, и под их взглядом по спине Ивара побежал холодок. – А отдай его мне!

– Что? – В первый момент Аки, похоже, не сообразил, чего хочет вожак викингов. – Его? Зачем?

– Не у всякого человека хватит удачи, чтобы соблазнить такую красивую девушку, как твоя дочь, – голосом ровным, точно ствол сосны, проговорил Хаук. – Его удача не помешает в походе.

Ивар вздрогнул. Он не знал, что лучше – умереть под жертвенным ножом или попасть в руки беспощадного конунга. Вожак викингов внушал ему страх. Такой, наверное, испытывает лягушка перед ужом.

– Ты, должно быть, выжил из ума, Хаук? – проревел Аки Золотая Борода голосом, рычащим от гнева. — Ты что, думаешь, я откажусь от мести?

– Думай, что говоришь, бонд. – Беловолосый воин положил ладонь на рукоять меча. – Последний человек, который так оскорбил меня, кормит рыб на дне Согнефьорда. Еще одно резкое слово – и ты умрешь.

Невысокий юноша, не переставая улыбаться, молниеносным движением взял топор в руку. Спустя мгновение стало ясно, что с другой стороны седла висел еще один топор.

– С такого расстояния я не промахнусь, – сказал юноша скрипучим голосом и шмыгнул носом.

Жители селения, которые сопровождали бонда, недовольно загудели. Многие были вооружены, и Ивар судорожно сглотнул, нутром ощущая, что сейчас случится кровавая схватка. Тогда, может быть, на время забудут о нем и появится шанс сбежать...

– Ты тоже погибнешь! – прокричал Аки. – Пусть паду я, но мое убийство не пройдет тебе даром! Даже если ты скроешься сегодня, то найдется кому за меня отомстить! Многие хевдинги выступят против убийцы!

– Верю, – спокойно кивнул Хаук. – Но тебе это уже не поможет, а мне не привыкать сражаться. Но давай не будем ссориться. Продай мне своего работника. Я дам тебе за него две марки серебра...

Аки Золотая Борода задумался. На лице его отразилось понимание того важного момента, что месть, даже успешная, доставляет мало радости тому, за кого мстят.

– Ладно, – буркнул он, метнув на Ивара взгляд, полный ненависти. – Пусть твой дружинник опустит оружие. Деньги у тебя с собой?

– Конечно. Арнвид, заплати ему.

Лысый старикан, недовольно бормоча, полез в седельную сумку.

Деньги поменяли хозяев, а Аки подошел к Ивару вплотную.

– Отпустите его, – дыша пивным перегаром, велел он сыновьям. – Надеюсь, что ты сдохнешь в первом же бою, парень, или утонешь в море! Искренне тебе этого желаю!

Получив прощальный пинок в задницу, Ивар пробежал несколько шагов и свалился почти под ноги коню. Не решаясь встать, он слышал, как возбужденно гомонят, удаляясь, обитатели селения Хальтдален. За три года, прожитых здесь, он так и не завел среди них друзей.

– Вставай, парень, – проговорил Хаук, – и скажи, как тебя зовут.

– Ивар, – ответил юноша, поднимаясь.

В голове у него царил полный сумбур. Грядущая смерть отступила, но страх не ушел, обретя новую причину – полную неизвестность. Как поступит со своим новым приобретением жестокий конунг?

– Не стоит пилиться на нас, точно на волков, – усмехнулся лысый дед, которого, кажется, звали Арнвид. – Не съедем!

– А что будет со мной?

– Не для того я спас тебе жизнь, чтобы причинять вред, – равнодушно ответил Хаук. – Поедешь с нами. И если боги пошлют попутный ветер, то выйдешь в море на моем корабле дня через три. А что будет дальше – сам Видрир не скажет. Тебе и так сильно повезло, что у меня появились дела в Эйстридалире. Обычно я зимую севернее, в Ирьяре, и в этих местах не появляюсь. На лошади ездить умеешь?

– Нет, – честно признался Ивар. Впрочем, подобным искусством в Северных Землях владели немногие.

– Тогда пойдешь пешком.

Лошади двигались шагом, и поспевать за ними оказалось нетрудно. От голода сводило живот, болели заработанные утром синяки, но все же Ивар чувствовал себя великолепно. Он жадно вдыхал прохладный воздух и все никак не мог поверить в то, что остался жив.

Когда солнце почти сползло к горизонту, от дневной радости Ивара не осталось и следа. Он чувствовал себя так скверно, что подумывал о том, что лучше бы его принесли в жертву. Немилосердно болели натруженные ноги, на которых непонятно откуда появились мозоли. Есть хотелось так, что впору было грызть камни. Проглоченный на ходу кусок сыра голода почти не уменьшил.

Дорога, тянувшаяся вдоль реки Гауль, вместе с ней свернула на запад. Впереди открылось большое селение. Видны были работающие на полях люди, доносилось мычание коров, ветер нес запах дыма от разожженных очагов.

– Здесь живет мой родич, – сказал Хаук. – У него и заночуем.

Ивар вздохнул с изрядным облегчением.

Родич конунга оказался богатым бондом, и усадьба его была ничуть не меньше, чем хутор того же Аки Золотая Борода. Когда путешественники оказались во дворе, навстречу им выбежал сам хозяин.

– Хаук! – воскликнул он радостно. – Вот так встреча! Не пожалею, сегодня пива!

Вскоре конунг и его спутники сидели в низкой, пропахшей дымом зале, стены которой были украшены оружием и охотничьими трофеями. В камине сверкал огонь, в кружках плескалось мутное, но зато крепкое пиво, и источало одуряющий аромат жареное мясо.

Прислуживающие рабыни бросали на заезжих мужчин призывные взгляды. Трещали в зубах крепкие кости, а вместо опустевших блюд тут же приносили новые. Гостеприимный хозяин явно вознамерился накормить викингов до отвала.

– Ты сам откуда? – спросил у Ивара лысый дед, когда первый голод был утолен. Ел старикан немного, зато пиво поглощал так, словно сам был бочкой. – Ведь видно, что ты не местный.

– Из Уппленда я, – ответил Ивар, сосредоточенно разглядывая одну из рабынь, судя по черным волосам, привезенную с юга. Платье ее самым привлекательным образом обтягивало грудь. Отвести глаза от этого зрелища было непросто. – С озера Мьерс.

– Я так и подумал, – кивнул старик и опрокинул в себя очередную кружку. Пиво с бульканьем исчезло в его глотке. – Только там у вас так говорят.

– Откуда ты знаешь? Ты что, эриль?

– Конечно! – усмехнулся старик, показав крепкие, хотя и желтые зубы. – А ты думал, что меня в дружине за лысину держат? Я и вису могу сложить, и руны знаю, и лечить могу... Арнвида Лысого многие знают! Странно, что ты обо мне не слышал!

– Одину слава! – неожиданно завопил изрядно захмелевший хозяин. – Восславим Отца Ратей, чтобы он даровал морским удалцам победу!

И он щедро плеснул из кружки на земляной пол. Хаук, который пил не меньше, но выглядел совершенно трезвым, разве что чуть порозовел, повторил его жест.

– А он кто? – спросил Ивар, покосившись на второго спутника Хаука, который даже за столом не расстался с топорами. При ближайшем рассмотрении его лицо оказалось щедро покрыто прыщами, а взгляд – совершенно безумным.

– Это Торир Топор в Глазу, – охотно ответил Арн-вид. – Он сумасшедший.

– Как?

– А очень просто, – пожал плечами эриль, вновь наполняя кружку. Ивар вдруг подумал, что при случае старикан перепил бы самого Тора... – Для него человека убить проще, чем тебе высморкаться. Хаук его года два назад подобрал. Ты от Торира держись подальше, он у нас не особенно дружелюбный...

Топор в Глазу, подтверждая слова Арнвида, зыркал по сторонам злым взглядом. Можно было подумать, что он находится среди врагов. Даже пиво не смягчило его нрав.

– А где корабль, на котором нам предстоит плыть? – поинтересовался Ивар.

– Он вытасчен на берег у Бюнеса, – ответил эриль. – И вся дружина там. Завтра доберемся туда, все увидишь...

Речь Арнвида неожиданно оборвалась. Глаза его закрылись, а голова с деревянным стуком упала на стол. Из приоткрывшегося рта донесся тонкий свистящий храп.

Пиво все же взяло свое.

– Вижу, мои товарищи несколько устали, – проговорил Хаук слегка невнятно. Только это выдавало, насколько много он выпил. – Пора бы и...

Торир неожиданно дернулся, рука его метнулась в смазанном движении. Что-то свистнуло около уха Ивара, и потом послышалось глухое «чмок», с которым сталь врезается в дерево.

Ивар сглотнул и повернул голову – в стене, на ладонь левее его уха торчал метательный топор.

– Муха. – Торир улыбался, хищно растягивая губы. – Это была муха. Теперь ее нет.

Смерть насекомого, казалось, сильно потрясла хозяина дома. Бормоча что-то, он удалился, а путники принялись устраиваться спать. Прямо в зале, на широких лавках. Огонь в камине почти потух, и вскоре в полумраке слышалось только тихое дыхание спящих.

Утром с реки напал туман, его белые пушистые пряди заполонили двор, а самые смелые проникли внутрь дома. Сквозь дырку у окна туман вливался, словно невесомое густое молоко. Хотелось подойти и напиться прямо из воздуха.

Зевая и потягиваясь, путешественники стали собираться. Арнвид, к удивлению Ивара, не выказывал признаков похмелья.

– Утомился вчера чуток, – сказал он, осматривая оставшиеся на столе жбаны в поисках сохранившегося там пива, – вот и уснул внезапно!

Во дворе Ивара ожидало новое потрясение. Работники гостеприимного хозяина усадьбы, который после вчерашнего выглядел несколько помятым, седлали не трех, а четырех лошадей. Четырех!

– Я же не умею ездить верхом! – сказал Ивар Хауку, с ужасом глядя на огромное животное.

– Ты еще скажи, что мечом владеть не умеешь! – спокойно ответил вожак викингов. – Научишься. Или умрешь.

Кони были оседланы. Ивар вздохнул и нерешительно направился к тому, который предназначался ему. Мышиной масти жеребец недоуменно покосился на предполагаемого наездника – он никогда не видел, чтобы к нему приближались опасливыми шажками.

– Прыгай в седло, – раздался из-за спины голос Ха-ука. – Или Топор в Глазу поторопит тебя...

– Нет, я сам! – взвизгнул в испуге Ивар, и, не дожидаясь, когда острое лезвие воткнется между лопаток, попытался забраться на спину коня.

Это ему почти удалось, но затем что-то пошло не так, раздалось смачное «плюх!», и Ивар обнаружил, что лежит спиной на размякшей земле, а со всех сторон раздается дружный хохот.

– Ничего, – послышался откуда-то сверху ледяной голос Хаука, который один остался спокоен. – Пробуй еще. Мужчина ты или нет?

Ивар ощутил, как в душе закипел опаляющий гнев. Нет, не на тех, кто смеялся над ним, – за последние годы он изведal немало насмешек. Нет, это был гнев на себя, слабого и неумелого...

Именно гнев поднял его с земли, заставил выпрямиться и забросил в седло. Когда приступ ярости прошел, Ивар неожиданно обнаружил, что сидит на спине жеребца, пусть чуть криво, не очень ловко, но довольно уверенно.

– Неплохо, – кивнул Хаук, и в светлых глазах его мелькнуло одобрение. – Спасибо хозяину, да будут благосклонны к нему и его семье боги! Поехали!

И неспешной рысью путники выехали со двора.

Спустя некоторое время Ивар понял, что умение забраться на коня – вовсе не самое главное в верховой езде. Его мотало в седле, и он вынужден был держаться за узду, чтобы не свалиться. К счастью, серый жеребец оказался животным умным и спокойным, он просто бежал вслед за другими лошадьми, не обращая особого внимания на человека у себя на спине...

Дорога петляла вдоль реки, проходя сквозь негустые сосняки. В воздухе висел запах хвои, солнце разогнало туман, и через ветви прорывались золотистые полотнища, сотканые из лучей светила. Шумела стремящаяся к морю река Гауль, да стучали копыта.

К вечеру дорога пошла вниз, а далеко впереди, за поросшими лесом холмами, открылась синяя ширь Тран-дхейм-фьорда. К этому моменту задница Ивара представляла собой один огромный синяк, а руки, сжимавшие уздечку, почти закаменели. Каждый раз, когда его ударяло о седло, он шипел от боли. Шипение получалось почти беспрерывным.

– Там, внизу, Бюнес, – сказал Хаук, чуть придерживая коня, – а за ним, на берегу – наш корабль.

Последний участок дороги Ивар запомнил плохо. Проносились мимо стволы деревьев, о чем-то переговаривались спутники. В селении залаяли собаки, провожая всадников, а затем впереди вдруг открылся морской берег. Копыта лошадей с мягким шорохом погружались в серый песок, а волны грохотали, в бешенстве обрушиваясь на берег.

Корабль лежал, наполовину вытасченный на сушу, точно выброшенное штормом морское чудовище. Гордо высилась искусно выточенная драконья голова, смоленые доски обшивки блестяли, как звенья кольчуги.

Неподалеку от драккара дымился костерок. Дым разрывал в клочья и уносил свежий морской ветер, огонь горел плохо, но расположившихся вокруг людей это, похоже, не смущало.

– Конунг! – крикнул кто-то радостно, и развалившиеся у костра викинги стали подниматься.

Хаук остановил коня и спрыгнул на землю.

– Хей! – сказал он. – Вы тут не спились без меня?

Ивар принялся слезать с седла. К его удивлению, это оказалось даже сложнее, чем забраться в него. Ноги совершенно не слушались, словно за время путешествия кто-то набил их мокрыми опилками.

Спрыгнув на землю, он едва не упал. Острая боль пронзила бедра и колени, заныл копчик.

– Что за удалыца привез ты нам, конунг? – спросил у него за спиной язвительный голос. – Он, как я погляжу, еле на ногах стоит...

Повернувшись, Ивар увидел перед собой высокого викинга. Рыжие волосы его курчавились, точно ягнячий мех, а в необычно темных глазах тлела искра насмешки.

– Это Ивар, – ответил Лед бесстрастно. – Он поплывет с нами.

– Гм... – Курчавый скривился, точно ему дали понюхать нечто неприятное. – Надеюсь, что он умеет обращаться с мечом лучше, чем моя бабушка! Иначе придется его оставить!

Грянул дружный хохот.

Ивар посмотрел на насмешника с неприязнью.

– Не обращай внимания, – сказал подошедший Арн-вид. – Это Нерейд Болтун. Для него насмехаться – что для других дышать. Иначе он не может.

– Именно так, парень. – Рыжий Нерейд дружелюбно подмигнул. – Пойдем к костру, замерзнешь!

Только тут Ивар заметил, что холодный, насыщенный влагой ветер пробирает до костей. Дрожа, он отправился к костру, где с удивлением обнаружил, что не все из викингов вскочили, чтобы приветствовать конунга.

У самого огня, завернувшись в плащ, спал очень толстый человек. Мощный храп его порой перекрывал шум прибоя. Рядом с толстяком лежала боевая секира такого размера, что ей впору было рубить скалы.

– Так, – сказал Хаук, – Вемунд Боров, похоже, не рад меня видеть.

И что есть силы пнул спящего в задницу. Тот недовольно всхрапнул, но прошло некоторое время, прежде чем он зашевелился и, повернувшись на спину, открыл глаза.

– О, конунг, – пробурчал он, смешно причмокивая губами. – Хорошо...

И, повернувшись на другой бок, толстяк вновь захрапел.

– Этот конь дубравы Рагнарёк проспит! – заметил чей-то веселый голое.

Викинги захохотали, необычный кеннинг¹ пришелся им по вкусу.

– Ладно, чего стоять, несите пиво, – распорядился Хаук, окинув дружину взглядом. – И еще, дайте нашему новому соратнику плащ. А то он одет явно не по погоде...

К тому моменту когда совсем стемнело, Ивар получил теплый плащ на плечи, кружку, полную пива, – в руку и был усажен на бревнышко недалеко от костра. В огонь подкинули дров, и пламя взметнулось в ночь ревушим зверем. Толстяк Вемунд, не желая добавлять к прозвищу Жареный, отодвинулся от костра. Вскоре из темноты донеслось его равномерное похрапывание.

Викинги, смеясь и переговариваясь, рассаживались на бревнах. По рукам шли бочонки с пенистой брагой, от костра тянуло дымом и горелым жиром. Шумело невидимое море, из сумрака мордой исполинского чудовища выступал нос драккара.

– Ну и как вы тут жили без меня? – спросил Хаук, осушив кружку.

– Хорошо, – ответил, улыбаясь, Нерейд. Волосы его в свете костра обрели медный оттенок, а зубы блестели точно снег. – Я едва не попал в сагу!

– Не может быть! – восхитился Арнвид, сидящий рядом с Иваром. – И как ее назовут? Сага о Нерейде, Заболтавшем Дракона до Смерти? Сигурд Убийца Фафнира умрет от зависти!

Когда смолк хохот, рыжий шутник сказал с наигранной обидой:

– Да нет же! Никакого дракона не было! Мы тут ходили... гм... – последовал быстрый взгляд в сторону конунга, – в гости в одно селение...

– Ясно, опять за девками шлѣлись, – понимающе изрек Хаук.

– Ну, не совсем, – не стал отпираться Нерейд. – В общем, возвращался я домой, ночь уже была... тишина. Был я сильно уставши, ноги слегка заплетались и занесли меня в скалы. А там у самого большого утеса...

– Что там? – не выдержал кто-то. – Сам Один на Слейпнире с Гунгниром в руке?

– Или бочка пива? – спросил еще один викинг, не отличающийся, судя по всему, особым воображением.

– Не мешайте рассказывать, а то замолчу! – Болтун весьма неубедительно сделал вид, что обиделся, но угрозы своей не выполнил. – А там прямо на траве сидят два цверга. Черные, точно земля, страшные, как сама Хель! Одежда на них богатая, пояса камнями драгоценными украшены...

Рассказчик сделал паузу, и Ивар внезапно вспомнил, что держит в руке кружку с пивом. Отпил глоток и тут же прислушался вновь, страшась упустить хоть что-то из рассказа. Нерейд свое прозвище носил явно не зря.

¹ Кеннинг (букв.: «обозначение»), – поэтический перифраз, заменяющий одно существительное обычной речи двумя или несколькими словами. Кеннинги применялись в скандинавской и древнеанглийской героической поэзии для обозначения наиболее существенных понятий. Так, вместо того чтобы сказать «князь», употребляли выражение «даритель колец», распространенным кеннингом воина был «ясень сражения» и т.д. – Примеч. ред.

– И говорит мне один из цвергов человеческим голосом: тебя-то мы, человек, и поджидаем... Я испугался, хотел было бежать, да ноги меня не послушались. Не иначе злым колдовством опутали меня исчадия подземелий!

– Пить надо меньше, – хмыкнул тихо Арнвид. – И ноги бы тебя слушались!

Нерейд не обратил на реплику никакого внимания.

– Сиж у я на заднице, – продолжил он рассказ. – Хлопаю глазами, а цверги и говорят: суждено тебе, человек, стать великим героем! А для того, чтобы им стать, тебе нужен меч! Хочешь, мы выкуем тебе настоящий клинок – не тупую железяку, какие делают у вас, на поверхности земли, а такой, которого не устыдился бы сам Велунд! Не бойся, платить не придется. Мы подарим его тебе...

– А ты? – выдохнул кто-то из слушателей.

– А чего я? – Нерейд гордо оглядел соратников. – Вспомнил, что от подарков цвергов никакой пользы, кроме вреда, не бывает, и завопил что есть мочи: оставьте меня в покое, коротышки! Не хочу быть героем... И как только крикнул, пропали цверги. Сиж у я один, как дурак, среди скал, штаны сырые. Не от страха, просто задом в лужу угодил... Так и пошел к кораблю! Может, надо было меч взять?

– И была бы сага «Нерейд Треплю и зловредные карлики», – мечтательно произнес Арнвид. – За такую сагу сказителя побили бы камнями...

– Ведь сознайся, что придумал все? – спросил Хаук. – Или с пьяных глаз примерещилось?

– Я тоже тогда ходил с ним, – проговорил кто-то неторопливо, и все глаза обратились на могучего, огромного роста викинга. Ладони его были, как весла, а на широкой груди поместилась бы наковальня. – Только ушел еще позже. И когда зашагал назад, то в темноте ударился лбом о скалу... В голове у меня что-то вспыхнуло, и я увидел, что вокруг – инеистые великаны! Потом я упал и заснул, а проснулся только утром... Но ведь если были великаны, то могли быть и карлики?

– Кто это? – спросил Ивар у Арнвида, в то время как остальные викинги дружно хохотали.

– Это Кари Ленивый, – охотно ответил эриль. – Он берсерк. Ты не смотри, что он такой болван. Когда ярость Одина нисходит на него, то врагам несладко...

– А это? – Ивар показал на седовласого воина, чье лицо было иссечено морщинами. Он сидел рядом с конунгом, и Хаук оживленно с ним беседовал.

– Это Эйрик Две Марки, – уважительно сказал Арнвид. – Самый старший здесь, кроме меня. Когда конунг в отъезде, то Эйрик заменяет его.

– Ясно. – Ивар кивнул и неожиданно почувствовал, что ему очень хочется спать. Темнота сгушалась, и с моря все сильнее веяло холодом.

Проснулся Ивар оттого, что его довольно грубо потрясли за плечо. Открыв глаза, он обнаружил мрачного Нерейда, который зевал и почесывался, точно медведь, только что выбравшийся из берлоги.

– Чего разлегся? – бросил вчерашний рассказчик, на волосах которого блестящими каплями осел утренний туман. – Нам с тобой за дровами идти, вставай...

Пришлось подниматься. Зевая так, что их беззвучным завываниям позавидовали бы волки, оба отправились в ближайший сосняк. Стук топоров перебудил дружину, и когда Нерейд с Иваром, нагруженные дровами, вернулись к кораблю, то почти все были на ногах.

Кроме Вемунда. Тот равнодушно продолжал храпеть, не обращая внимания на творящуюся вокруг суматоху.

– Все со мной в селение, – сказал после завтрака Хаук. – Нужно отвести коней и купить кое-чего. Остаются Эйрик, Сигфред, Кари... ты, Ивар, ну и Вемунд, этого проще убить, чем разбудить! Следите за окрестностями – мало ли что!

Стоянка опустела. Ивар вздумал было еще вздремнуть, но к нему подошел Эйрик Две Марки и сказал:

– Пойдем.

– Куда? – искренне изумился Ивар.

– Подберем тебе оружие, – спокойно ответил Две Марки. – А потом посмотрим, как ты им владеешь.

На корабле оказался целый оружейный склад. Топоры, мечи, копья были свалены неопрятной грудой. Точно панцири огромных круглых жуков, валялись щиты.

– Все взято в бою, – сказал Эйрик, перехватив недоуменный взгляд Ивара. – С прошлого года осталось.

С помощью короткой палочки он измерил рост Ивара, определил длину его рук и размах плеч. Нагнувшись, седовласый викинг с грохотом залез в груды оружия, а когда выпрямился, то в правой руке держал недлинный прямой клинок с рукоятью, наверху которой было снабжено тяжелым шаром, а в левой – деревянный щит с массивным железным выступом посередине.

– Вот, – сказал Эйрик Две Марки. – Это тебе как раз. Шлем сам подбери, чтобы на макушке не торчал, но и на нос не сползал. Кольчуг нет, добудешь в бою, если не прирежут...

Ивар судорожно сглотнул. Вскоре он в нелепом коническом шлеме, который неприятной тяжестью охватывал голову, очутился на берегу. Меч в руке казался лишним, словно рог на голове у собаки.

– Что ты держишь его, как крестьянин лопату? – недовольно пробурчал Эйрик, который также вооружился. – Возьми крепко за рукоять и подними перед собой!

Оставшиеся в лагере викинги подтягивались поближе, желая развлечься зрелищем. Лишь Вемунд безмятежно спал. Сна в него, похоже, влезало больше, чем в кота.

– А теперь ударь меня! – Две Марки вскинул клинок, и Ивар испытал приступ страха, поняв, насколько тот острый. В животе заворочались кишки, сердце сжала холодная лапа.

– Как? – спросил он.

– Мечом, дурень! – прорычал Эйрик. Зрители захохотали.

Размахнувшись что есть силы, Ивар бросился вперед. Клинок его со свистом разрезал воздух и, пролетев через то место, где только что был Эйрик, потянул хозяина за собой. Ивар пробежал несколько шагов вперед, неловко отставив руки в стороны, и, не удержавшись, брякнулся лицом в землю.

Было больно и обидно.

– Я мог тебя убить раза три, – проговорил Две Марки, глядя, как неуклюжий, точно месячный теленок, новичок поднимается на ноги. – А теперь попробуй отразить мой удар...

Он бил нарочито медленно и несильно. На лице Ивара отразился ужас, и он вздернул щит вверх, подставляя его под меч, но и закрывая себе обзор. Эйрик остановил удар и атаковал вторично – снизу, тычком в горло.

Острие меча замерло в двух пальцах от шеи Ивара. Тот, не успевший даже дернуться, побелел точно полотно.

– Как так, – забормотал он растерянно. – Я же думал... Ведь надо было...

– Вот уж не знаю, что надо было! – Эйрик Две Марки с досадой сплюнул в траву. – Но такого селезня у нас еще не было! С тобой еще возиться и возиться!

Ивар опустил щит и меч. Лицо его побагровело от обиды.

Глава 2

ВЕТРЫ МОРЯ

– Эй, кто хочет сразиться с нашим новым другом? – спросил Две Марки, повернувшись к зрителям. – Только не калечить!

– Пожалуй, я, – ответил тощий невысокий парень, которого звали, насколько Ивар запомнил, Сигфредом.

Взяв меч, он принял боевую стойку. Ивар глухо застонал. В этот момент он хотел оказаться где угодно, за тысячи миль отсюда, даже в самом Хель, лишь бы избавиться от необходимости сражаться...

– Чего ты ждешь? – спросил Сигфред, поводя лезвием в воздухе. —Нападай!

На это раз Ивар, наученный прошлым опытом, атаковал осторожно. Сделал шаг вперед и после этого ударил, целясь в шею противника. Тот играючи отразил удар и тут же прыгнул вбок.

Ивар крутанулся, пытаясь защититься, тяжелый щит потянул его в сторону. Чтобы не упасть, он выбросил руку с мечом и, к собственному удивлению, попал точно в Сигфреда, который, видя, что сопернику не до него, свой удар остановил на полпути.

Лезвие пропороло рубаху и прорезало бок. На белой ткани выступило и начало быстро разрастаться алое пятно.

Ивар совершенно произвольно вытащил меч и отступил на шаг, с ужасом глядя на раненого. Руки у него тряслись, а губы двигались, рождая слова:

– Я не хотел... Это случайно... Я не хотел!

Сигфред, как казалось, вовсе его не слышал. На его лице отразилось удивление, он недоуменно посмотрел на бок, и меч с обиженным лязгом вывалился из руки.

– Ивар, беги! – неожиданно скомандовал Эйрик. – Быстро!

Но оказалось уже поздно. Лицо Сигфреда неожиданно преобразилось – темные глаза заблестели, точно слюда, а в чертах проступила неукротимая, бешеная ярость.

Зарывав, он двинулся прямо на Ивара. С подбородка безумца капала пена, на шее страшно напряглись жилы, лицо сделалось багровым.

– Беги! – еще раз крикнул Эйрик, и в голосе его послышалось отчаяние. – Он ведь убьет тебя!

Ивар отступил еще, с ужасом ощущая, что ноги не слушаются. Мелькнула мысль о том, что можно бы защититься – ведь в руках у него оружие, а Сигфред идет на него с голыми руками.

Но привести ее в исполнение Ивар не успел. Огромная ладонь отстранила его с такой легкостью, с какой обычный человек отодвигает кувшин, и могучая фигура Кари вклинилась между безумцем и его предполагаемой жертвой.

– Спокойно, – голосом мощным, как морские валы, прогудел Кари Ленивый. – Утихомирся, Сигфред...

Тот в ответ зашипел, точно кошка, и бросился на Кари. Легким толчком могучий викинг отшвырнул нападавшего. Перекатившись по земле, Сигфред стремительно поднялся на ноги, одним прыжком подскочил к сосне толщиной в руку, ухватился за ствол, и Ивар не поверил своим ушам – дерево затрещало.

На стволе обозначилась трещина. С яростным ревом Сигфред пригнул его к земле и одним рывком сломал. В мгновение отломил верхушку с ветвями и с импровизированной палицей напал на Ленивого.

Замах его был стремителен, словно Сигфред бил не толстым стволом, а легкой палкой. Свистнул воздух, а Кари все так же стоял, не сходя с места. Обманчиво ленивым движением он поднял руку.

Раздался глухой хряск, словно ударили по деревянной колоде. В руках у Сигфреда остался короткий обломок, а остальная часть дубины, медленно вращаясь, отправилась в полет.

Пролетев с десятков шагов, она с отчетливым «чпок!» приземлилась на голову мирно спавшему до сих пор Вемунду. Храп прервался, и, по-старчески закряхтев, Боров сел.

– Вот так всегда, – сказал он недружелюбно, распахивая рот в звучном зевке. – Только ляжешь вздремнуть, тебя тут же будят! Что, передрались опять, что ли?

Первым засмеялся Эйрик, за ним глухо захохотал – точно ударились друг о друга валуны, Кари. Несмело захихикал Ивар. На безумном лице Сигфреда проступило странное выражение – такое может быть у человека, который изо всех сил старается проснуться, чтобы вырваться из кошмарного сна.

Прижав ладони к лицу, он со стоном рухнул на землю.

– Он бы просто убил тебя, – отсмеявшись, сказал подошедший к Ивару Эйрик. – Он же берсерк. Его даже прозвали Весло за то, что один раз, впад в боевую ярость, он расшвырял пятерых противников корабельным веслом. Тогда ему было всего тринадцать.

Сигфред заворочался, приходя в себя. С трудом встал на ноги, его шатало. На лице было дикое, испуганное выражение. Кари, бережно придерживая соратника, повел его к морю – умыться.

В берег с глухим гулом бились неуголимые волны.

Викинги, отправившиеся в селение, вернулись к вечеру. Со стороны дороги разнесся противный скрип, и показались медленно катящиеся телеги, нагруженные бочками и мешками. Викинги брели рядом с ними, непринужденно смеясь и болтая.

– Вставайте, лежебоки! – крикнул Хаук, подходя к лагерю. – Все на разгрузку! Мы купили все, что нужно для долгого пути...

– И пиво! – глубокомысленно изрек спящий Ве-мунд, не переставая храпеть.

– И ты вставай, – приказал ему конунг. – Сам знаешь, у нас работают все.

Ивар, у которого после целого дня махания мечом нестерпимо ныли плечи и руки, без особого воодушевления направился к телегам. Но работа спорилась, мешки один за другим шлепались на землю, в бочонках что-то призывно булькало, и вскоре весь груз был свален на замшелые камни, где лежал теперь беспорядочной кучей.

Возчики щелкнули кнутами, и телеги, заскрипев еще противнее, отправились в обратный путь.

– Арнвид! – Во взгляде, обращенном на Лысого, был приказ. – Вопросы руны. Все готово, и мы можем выйти в море хоть завтра. Что нам готовит судьба?

– Сейчас посмотрим. – И эриль, бормоча что-то под нос, отвязал от пояса небольшой мешочек из кожи, бока которого украшали таинственные знаки.

Закрыв глаза, он сунул в мешочек руку и вытащил оттуда небольшую пластинку, выточенную, судя по цвету, из моржового клыка. На ее поверхности был выжжен угловатый значок.

Ивар с суеверным страхом наблюдал за Арнвидом. Лысый старик в этот момент выглядел величественно, словно сам Один, а глаза его едва заметно светились. Недовольно пробурчав что-то себе под нос, он вытащил еще одну руну и воззрился на нее с видом человека, силящегося разгадать трудную загадку.

– Молот Тора и День, – сказал эриль после паузы, во время которой никто из викингов не решался нарушить тишину. Обычно буйные и шумные, сейчас морские воины, сбились в тесную кучку, словно нашкодившие дети. – Борьба, а потом слава. Путешествие наше будет непростым, но в нем обретаем мы немало побед! Можно плыть, конунг!

Хаук, на лице которого на мгновение появилось и тут же исчезло выражение жадного любопытства, обвел, взглядом дружину.

– Вы слышали? – спросил он звенящим голосом. – Завтра мы отправляемся в поход, и пусть Владыка Ратей будет с нами! Одину слава!

– Одину слава! – Трижды повторенный тремя десятками луженых глоток клич прокатился по берегу, заставив море на мгновение утихнуть, а чаек – с истошными воплями взвиться в воздух.

А вечером, когда огонь костра жадно облизывал поленья, а над ним шкварчали, исходя жиром, отборные куски мяса, конунг совершенно неожиданно обратился к Ивару.

– Каждый новый дружинник, – сказал Хаук, и глаза его были холодны, точно зимний рассвет, – попадающий на наш корабль, должен рассказать о себе. Мы должны знать, с кем нам придется сражаться бок о бок.

Собравшиеся вокруг костра викинги радостно загудели. Ивар сглотнул. Рассказывать не хотелось, хотелось спрятаться от устремленных на него любопытных взглядов.

– Ну, я... мне, – начал он, чуть не заикаясь.

– Не мямли! – прервал его конунг. – Ты не косноязычен, так что говори нормально.

– Я родом из Скауна, что близ озера Мьерс, – сказал Ивар, собравшись с духом. – Мой отец был бондом, не самым богатым. Три года назад во время набега шведов дом наш сгорел, все родичи мои погибли. Пешком я добрался до деревни Хальтдален, где Аки Золотая Борода, двоюродный брат мужа сестры моей матери, приютил меня.

– Немалый путь ты проделал! – удивился кто-то.

– Ну а как я попал сюда, вы наверняка знаете, – неуверенно улыбнувшись, добавил Ивар. – Почтенный Хаук спас меня от смерти...

– Слушай, – перебил его Нерейд, в глазах которого плясали искры веселья. – А как ты смог соблазнить дочку Аки? Ведь она красивая девица, наверняка за ней бегали парни и побогаче и покрасивей тебя! Ведь ты был простым батраком!

– Я не знаю, – совершенно искренне ответил Ивар и порадовался, что в полумраке никто не видит, как покраснели его щеки. – Как-то само получилось... Я не особо и хотел... Она сама как-то подошла... ну и... вот!

– Странно. – Арнвид усмехнулся. – Иные столько сил прикладывают и не добиваются ничего, а ты ничего не хотел – и все получил! Ловкач!

– Вот и прозвище! Вот и прозвище! – весело воскликнул неумный Нерейд. – Что за человек, у которого даже нет прозвища? Ивар Ловкач – звучит?

Викинги захохотали так, что Ивару показалось, будто земля слегка вздрогнула. Сам он почувствовал, что краснеет еще сильнее. Щеки запылали так, что от них можно было разжигать огонь, и Ивар сердито посмотрел на шутника.

Тот в ответ показал язык, длинный и острый, подозрительно похожий на змеиный.

– Одного не пойму. – От слов Хаука среди теплого вечера ощутимо повеяло холодом. – Ты хоть что-нибудь в жизни делал сам? Хоть раз отвечал за свои поступки?

– Да, наверно... – неуверенно начал Ивар.

– А я думаю – нет, – прервал его конунг. – За все события в твоей жизни ответственность несет кто-то другой. А тот, кто не может отвечать за свои поступки, не может зваться мужчиной.

Повисла напряженная тишина. Только потрескивали угли в костре да шумело море. Под пристальным взглядом Хаука Ивару стало очень неудобно.

– Ладно, – проговорил тот, отводя глаза. – Поедим – и спать, завтра выходим в море.

Пахнущее дымом мясо рвали зубами с яростью оголодавших хищников. Жир тек по пальцам, слышалось чавканье, перемежаемое треском из-за шевелящихся ушей едоков.

Ивару кусок не лез в горло. Слова предводителя викингов почему-то запали в душу, показались особенно обидными, хотя до сегодняшнего дня юноша был уверен, что живет вполне правильно и все решает в жизни сам...

Покончив со своей порцией, он встал и отправился к воде. Море тянулось на запад слегка всхолмленной темной равниной. По небу бежали рваные тучи, жуткие чудовища, пожирающие звезды. Изредка выглядывающая из-за них луна сыпала на воду горсть серебристых бликов и тут же пряталась снова.

Ивар уселся на небольшой бугорок и принялся смотреть на бескрайнюю водную гладь. В голове вспыхивали и гасли судорожные, тревожные мысли. Еще несколько дней назад он не представлял иной жизни, чем в усадьбе Золотой Бороды, и был вполне доволен тем, что проведет батраком всю жизнь. Теперь его будущее лежит там, за морем, за его бездонными пучинами...

Знать бы, какие еще сюрпризы приготовила судьба?

– Навались! – крикнул Хаук. – Давай! Раз-два!

Рядом сипел и потел Нерейд, под сапогами противно скрипел песок, а драккар, точно уснувший на берегу кит, не желал сдвигаться с места. Лежбище на берегу Трандхейм-фьорда казалось ему уютнее, чем переменчивое лоно моря.

– Еще разок! Он поддается! – В крике конунга звучало нестигаемое упорство. – Давай!

Ивар налег, смачно выругался Кари, и днище корабля с противным шуршанием сдвинулось с места. Медленно, а затем все быстрее драккар заскользил к морю. Через несколько мгновений его нос с плеском погрузился в серые точно сталь волны. Языки белой пены обливали смоленые борта.

– Клянусь медом богов, наш конь бурунов изрядно располнел! – сказал Арнвид, пыхтя, как прохуdivшиеся мехи. Эриль толкал корабль вместе со всеми, несмотря на возраст.

– Ничего, – без тени улыбки ответил Хаук. – Побегает – похудеет. Грузимся!

Последовала суэта, во время которой на борт были погружены доставленные вчера припасы – пиво, сухари, копченое мясо. С грохотом вставляли в пазы длинные весла.

Ивару, как самому неумелому, досталось место на последней скамье. Сидящий ближе к носу Вемунд посмотрел на нового викинга без воодушевления и сказал:

– Жилы не рви. Старайся попадать в ритм. Если устанешь – весло подними и отдыхай. Все равно толку от тебя пока немного.

– Ну что, отваливаем? – спросил Эйрик Две Марки, вставший к рулю, у конунга.

– Отваливаем! – сказал тот. – Да поможет нам Один!

Весла с плеском погрузились в воду, и корабль медленно, словно огромная рыба, принялся выбиратья с мелководья. Отплыв от берега, он развернулся на северо-запад, к выходу из фьорда.

– Гребем! – приказал Хаук. – Как выйдем на открытую воду, поставим парус.

Веслом, которое на первый взгляд выглядело неподъемным, оказалось орудовать довольно легко. Ивар вскоре принововился к неторопливому ритму гребли. Корабль резво бежал вперед, с шумом зарываясь в волны. По правому борту медленно уплывал назад лесистый берег фьорда. Свежий ветер трепал волосы, время от времени гребцов обдавало брызгами.

На носу драккара статуей замер Хаук. Синий плащ висел за его плечами, точно диковинные крылья, и впервые за многие месяцы морской конунг дышал полной грудью, вдыхая наполненный влагой ветер.

К полудню Ивар ощутил, что весло начало тяжелеть. Им становилось все сложнее и сложнее ворочать. На ладонях набухли и уже побаливали мозоли. Ветер перестал казаться свежим,

превратившись в просто холодный. Не согревала даже гребля. Прочие викинги все так же неумолимо гребли, не обращая внимания на неудобства.

– Хватит! – приказал Хаук, когда берег неожиданно оборвался острым мысом и свернул на юго-запад. – Суши весла. Разворачиваемся и ставим парус! Ветер, хвала богам, попутный!

Викинги забежали, устанавливая мачту, которая до сих пор лежала между скамьями на днище корабля. Ивар, который мало чего понимал в происходящем, помогал по мере сил.

Поползла к небесам рея, и с треском развернулся на ней парус – белый, с ярко-алым диском солнца в середине.

– Конунг называет его Кровавым Глазом, – сообщил Ивару Арнвид, лысина которого гордо блестела под лучами нежаркого солнца.

– Хей! – крикнул тем временем Хаук, и в голосе его, обычно спокойном, звучала самая настоящая радость. – Доставай пиво! С почином!

Морская гладь огласилась восторженными воплями.

Ветер надувал пузырь парус с Кровавым Глазом, и драккар с шумом резал морскую плоть. На открытой воде качка усилилась, и Ивар неожиданно ощутил, что его начинает подташнивать. После обеда, состоявшего из пива и сухарей, неприятные ощущения усилились.

– Это у тебя с непривычки. Полежи, авось полегчает, – сказал Вемунд, глядя на позелевшего соратника, и сам, должно быть для того, чтобы бороться с морской болезнью, улегся на лавку и захрапел.

Но попутный ветер держался недолго. Он все слабел и слабел, пока не пропал совсем. Парус бессильно обвис, и движение корабля замедлилось.

– Арнвид, где ты там?! – крикнул Хаук. – Отрабатывай харчи!

Лысый эриль с сомнением во взоре обозрел небо и поскреб макушку.

– Сложно будет, – проговорил он. – Может, на веслах?

– Успеем еще нагрестись, – ответил конунг. – Пока не вработались, все после зимы жирком обросли. Зачем зря силы тратить?

Покачивая головой, Арнвид взошел на нос корабля, к самой драконьей голове, поднял лицо к небу и запел! Голос его, поначалу хриплый, постепенно становился все более сильным и звонким. Слов Ивар, к немалому удивлению, разобрать не мог.

Неожиданно эриль прервал пение, но отголоски песни все еще продолжали звучать над поверхностью моря, словно странное, почти не гаснущее эхо. Арнвид резко вскинул руку и стремительными движениями нарисовал в воздухе несколько рун. Ладонь Лысого оставила серебристый огненный след, и угловатые знаки повисли в воздухе, светясь и потрескивая.

Арнвид выкрикнул нечто повелительное и сделал жест от себя, словно отталкивая что-то невидимое. Руны скачком увеличились, вспыхнули ярко и тут же исчезли в ослепительной вспышке.

Ветер налетел могучим порывом. Парус выгнулся, заскрипели крепящие его веревки, мачта ощутимо прогнулась. Море швырнуло в лицо Ивару пригоршню брызг, он машинально сглотнул, ощутив на языке солоноватую горечь.

– Вот теперь порядок, – мрачно пробормотал эриль, отходя к своей скамье.

Вызванный им ветер держался до самого вечера. Желтый шарик солнца неудержимо катился по голубому куполу неба, а когда он навис почти над самым западным горизонтом, впереди вырос, словно поднявшись из моря, скалистый неуютный берег.

– Остров Хитра, – сказал Ивару проснувшийся Вемунд. – Там, чуть дальше, есть удобная бухта. В ней, скорее всего, и заночуем.

Скалы, тянувшиеся вдоль берега отвесной серой стеной, расступились, обнажив полукруг песчаного пляжа. Видна была небольшая речка, впадающая в море, и роща странных деревьев с толстыми стволами.

– К берегу! – скомандовал Хаук.

Драккар начал поворачивать. Парус заполоскался и повис, пришлось викингам браться за весла. Задним ходом корабль медленно вошел в бухту. Тут царило почти полное безветрие.

Заскрипел под днищем песок. Ивар вслед за остальными выскочил за борт. Сапоги промокли сразу, но разве станет мужчина обращать внимание на такие мелочи? По команде дружно взялись, и драккар одним движением наполовину вылетел на берег. Только зашумели возмущенно, раздаваясь в стороны, волны.

Стоять на твердой суше после целого дня, проведенного на качающейся палубе, было странно, и Ивар, отправившийся вместе с остальными за дровами, некоторое время ковылял, как хромой.

Среди огромных деревьев царила полная тишина, под ногами шуршали странные узорчатые листья, в воздухе плавал приятный сладковатый аромат.

– Дубы? – Узнавание было внезапным, точно удар молнии. – Я думал, они так далеко к северу не растут! Ведь даже в Уппленде они редки.

– Да, не растут, – ответил оказавшийся рядом Арнвид, который уже успел набрать охапку веток. – Им слишком холодно. Но это место, – тут эриль понизил голос, словно их кто-то мог подслушать, – пропитано древним волшебством. Когда-то тут было святилище тех, кого мы называем светлыми альвами. Потом с юга пришли наши предки, и альвы ушли, не желая терпеть соседства. А чары остались...

Ивар огляделся. Дубы возвышались, точно исполинские коричневые колонны. Несмотря на весну, они были покрыты листьями, и сплошной их полог скрывал небо. Казалось, что стоишь в огромном зале с высоким зеленым потолком, сотканным из слегка колеблющейся ткани. Странное ощущение, похожее на светлую, тихую тоску, пронизало Ивара. Он невольно вздрогнул...

Наваждение исчезло мгновенно. Он вновь стоял посреди дубовой рощи, а вокруг возились, собирая хворост, соратники. Опасаясь быть обвиненным в лени, он бросился помогать.

К кораблю, около которого был уже разожжен костер, Ивар принес такую охапку веток, что едва не задохнулся под ее тяжестью. Вывалил ее на землю, вытер со лба пот и собрался отдохнуть до ужина, когда чья-то рука тронула его за плечо.

Повернувшись, он увидел Эйрика Две Марки.

– Пойдем, – сказал тот, протягивая Ивару меч.

– Куда? – спросил тот, холодея от нехорошего предчувствия.

– Ты должен научиться пользоваться оружием, – пожал плечами седой викинг. – Или погибнешь в первом же бою. Нам на корабле не нужен бесполезный человек.

– Но я устал! Мы почти целый день гребли!

– Ничего. – Две Марки понимающе ухмыльнулся. – Привыкай. Это пока тяжело. Дальше будет еще тяжелее! Пойдем!

Ивар вздохнул и, взяв меч, потащился за Эйриком.

Второй день плавания почти ничем не отличался от первого. Ветер держался попутный, но очень слабый, и Хаук несколько раз усаживал дружину на весла. Море было спокойным, равномерно бежали пологие серые волны, метались над водяной поверхностью чайки, оглашая мир пронзительными криками.

Корабль двигался на юго-запад, не теряя из виду землю. Они проплывали мимо островов, больших и маленьких, огибали узкие устья фьордов, иные из которых могут тянуться в глубь земли на многие дни пути. Жители селений, расположенных на берегах, провожали корабль внимательными взглядами, а рыбацкие суденышки при виде паруса с алым солнечным диском стремились отойти подальше. Драккар Хаука Льда в этих местах, судя по всему, хорошо знали.

Первый большой корабль они увидели только к вечеру. Длинный драккар вывернул из-за скалистого острова, похожего на огромный окорок, и ходко пошел на сближение.

Викинги заволновались.

– Парус с желтыми и белыми полосами! – крикнул, взглядевшись в приближающееся судно, зоркий Нерейд. – На носу – медвежья голова. Это Берси Дранный Плащ!

– Славную встречу послал нам Один. – В голосе Хаука звенела кровожадная радость. – Будет с кем сегодня переведаться в буре копий. Вооружайтесь!

Ивар ощутил, как сердце его сжалось, точно испуганный заяц, а затем зачастило, как у птицы. Остановившимся взглядом он смотрел на то, как соратники извлекают из-под лавок кольчуги и облачаются в них, как размахивают для пробы мечами и топорами, как блестит солнце на шлемах.

– А ты чего замер, точно пугало? – хлопнул Ивара по плечу Вемунд. – Бери оружие, готовься биться! Берси – кровный враг нашего конунга, так что сегодня без драки спать не ляжем...

Ивар вздрогнул и в отчаянии осмотрелся. Во рту образовался противный гнилостный привкус, руки тряслись, а во всем теле ощущалась какая-то легкая слабость. Очень хотелось выпрыгнуть за борт, лишь бы оказаться подальше от корабля, на котором сейчас зазвонят мечи...

С некоторым трудом пересилив себя, он надел шлем, взял меч, который научился держать правильно только вчера, а на левую руку навесил щит. Все вокруг уже были в боевом облачении, Торир и еще двое викингов накладывали стрелы на тетиву. Прочие воины собирались на носу корабля, который был развернут в сторону вражеского драккара. У самой драконьей головы замер Хаук, светлые волосы его торчали из-под шлема, а лицо было спокойным, словно не битва предстояла впереди, а пирушка в кругу друзей.

Корабли медленно сближались.

– Помните, – предупредил конунг, повернувшись к воинам, – никто не избегнет смерти! Но тот, кто со славой падет в бою, попадет в чертоги Отца Ратей! Одину слава!

– Одину слава! – слитным ревом отозвалась дружина.

И словно эхо долетел от вражеского драккара слабый крик.

– Чего они там? – спросил Нерейд, напряженно прислушиваясь. – Никак оскорбления выкрикивают?

– Точно, – кивнул Арнвид. – Говорят, что мы все – сыновья рабов, годные, только чтобы жрать свиной помет. Сейчас я им отвечу!

Эриль на несколько мгновений задумался, а затем открыл рот:

Мы напоим славно
Вороновой брагой —
даятеля злата
гром мечей прославит —
птиц потехи Скегуль.
Пасть заткнем бахвалам.

Чеканные строки висы одна за другой падали на притихшую водную гладь. В ответ на нее с корабля Берси Драного Плаща послышались яростные вопли, лишённые какого-либо склада. Похоже, что на том драккаре не нашлось никого, обученного искусству скальда.

Дружинники Хаука оскорбительно захохотали.

– Вот так-то, – сказал Арнвид, гордый, точно петух, прогнавший от своих кур соперника. – Будут знать, как со мной связываться!

– Прикройте эриля щитом, – бросил конунг, – похоже, они сейчас начнут стрелять.

– Ивар! – рявкнул, оглянувшись, Эйрик Две Марки. – Иди сюда! Толку от тебя мало! Головой отвечаешь за Арнвида! Вдруг ему понадобится бросить руны? В этот момент он даже щит не может держать!

Ослушаться не было никакой возможности.

Когда Ивар шагнул вперед, ноги его, казалось, весили каждая больше, чем весь драккар. Подойдя, он встал перед эрилем, оказавшись в последнем ряду бойцов, которые выстроились клином.

В тот же момент свистнули первые стрелы. Одна вонзилась в мачту, пролетев над самой головой Ивара, и тот вздрогнул, живо представив, как она впивается ему в лицо, пробивает кости, вонзается в мозг...

От страха на спине выступила испарина.

– Берси! – крикнул Хаук, который стоял в открытую, ничуть не таясь нацеленных в него стрел. – Ты сам пришел ко мне, совратитель! Сегодня я убью тебя!

– Я поджидал тебя здесь, трус! – ответил низкий, рычащий голос. – Твой труп я отдам псам!

Вемунд обидчиво заворчал.

– Давай! – махнул рукой конунг и тут же отступил под защиту щитов. Торир спустил тетиву. Тотчас на корабле противника раздался вопль и тяжелое тело с плеском упало за борт.

Воины Хаука дружно заулюлюкали.

Перестрелка длилась недолго. Поняв, что лучники у противника лучше, чем у него, Драный Плащ повел корабль вперед. Драккары с треском столкнулись, Ивар едва не упал. Через состыковавшиеся борта с истошным ревом хлынула лавина воинов. Навстречу им двинулась крепко сбита стена щитов.

Лязг железа мгновенно стал оглушающим. Ивар видел, как свалился разрубленный секирой Вемунда воин с чужого драккара, как Торир один за другим швырнул свои топоры и взялся за меч, как огромный Кари, еще не впавший в боевую ярость, возвышается среди схватки, словно утес среди бурных волн.

Сам Ивар остался за спинами сражающихся. Мокрыми от пота руками он сжимал меч и щит, моля всех богов о том, чтобы ему не пришлось вступить в сражение. Рядом подпрыгивал и азартно выкрикивал что-то Арнвид.

Вылетевшее из схватки копьё пролетело совсем рядом и вонзилось в борт, раздраженно задрожав длинным телом. Ивар испытал новый приступ страха. Преодолеть его помогла мысль о том, что он должен прикрывать другого, а значит, ему нельзя трусить.

Сместившись вправо, он заслонил собой увлекшегося Арнвида, который, похоже, вообще забыл про свой щит.

Битва тем временем продолжалась. Хаук, хладнокровно отражая нацеленные на него удары, сражался с предводителем нападавших – высоким воином, облаченным в шлем с личиной. Из-под нее торчала густая рыжая борода. Верх пока не мог взять никто.

Могучий рев перекрыл лязг оружия и вопли воинов. Так мог бы кричать инеистый великан, который прищемил ладонь дверью. Обнаженный по пояс воин, ростом и волосатостью могущий поспорить с медведем, вломился в ряды дружины Хаука, расшвыривая людей, точно поленья. В сторону отлетел Эйрик, с трудом увернулся от занесенного сверху топора Торир. Ивар с ужасом увидел, как меч отскочил от груди волосатого, точно она у него была из камня.

Но тут на пути у берсерка вырос Кари Ленивый. Он не кричал, но при взгляде на него даже одержимый одиновым безумием воин замешкался, зарычал, нагнетая ярость, изо рта его потекла пена.

Битва на мгновение остановилась. Все замерли, глядя на схватку гигантов.

Взлетела рука с топором. Кари шагнул вперед так, что корабль вздрогнул, и схватил противника за запястье. Лицо того от напряжения перекосилось и налилось кровью.

Они стояли неподвижно, застыв, точно тролли, которых застал рассвет. Затем послышался слабый треск, и Ивар, ощущая тошноту, увидел, как рука волосатого переламывается под могучей дланью Кари, точно сухая ветка.

Взблеск меча, фонтан крови, брызнувший из разрубленного горла, – и бешеный рев, который не смолкал все это время, затих, сменившись хриплым бульканьем. Поверженный берсерк рухнул, а Кари ликующе закричал, вскинув над головой отливающий багровым клинок.

Следующим ударом он разрубил еще одного дружинника Берси надвое.

Все тут же пришло в движение. Битва возобновилась, но воины Хаука словно обрели второе дыхание, а дружинники Берси, ошеломленные гибелью сильнейшего из своих, потеряли боевой дух.

Сами конунги продолжали сражаться. Мечи лязгали, щиты покрылись трещинами, но ни один не мог одолеть другого...

– Отходим! – крикнул Дранный Плащ. – Все на корабль!

– Стой, трус! – яростно зарычал Хаук, но Берси, изловчившись, оттолкнул его щитом, а сам отпрыгнул назад, на свой драккар.

За конунгом последовали воины. Один за другим они обращались в бегство. Иные брались за весла и отталкивали свой корабль от корабля Хаука, лучники вновь взяли за свое оружие. Самые отчаянные и сильные прикрывали отход.

Ивар, который весь бой простоял на месте, неожиданно понял, что победа близка и что сегодня вражеский меч не проделает прорехи в его шкуре, не поковыряется во внутренностях...

Осознание того, что он жив, наполнило сердце безумным восторгом. Родившись в груди, тот теплой волной поднялся до горла, откуда и вырвался истошным воплем радости. Не видя ничего вокруг, Ивар ликующе вскинул руки...

Свистнула стрела. Рядом кто-то застонал.

Восторг мгновенно исчез, по спине пополз холодок страха. Вернувшись от переживаний к реальности, Ивар обернулся: Арнвид медленно оседал на палубу. Из его плеча, горделиво белея оперением, торчала стрела. На суконной рубахе эриля расплзалось кровавое пятно.

– Ой, – только и мог сказать Ивар.

– Вытащи стрелу, – прохрипел Арнвид, привалившись спиной к основанию мачты.

– Но как? Я не умею!

– Я научу. – Голос эриля от боли исказился до неузнаваемости. – Она пробила меня насквозь. Обломи вот тут...

Ивар, повинувшись подсказкам, разорвал рубаху на плече Лысого. Обломил заднюю часть стрелы и, ухватившись за торчащий из плеча окровавленный наконечник, принялся тянуть. Руки его дрожали, в горле бился гадостный ком тошноты.

Арнвид Лысый глухо стонал.

Стрела с протяжным чмоканьем выдернулась из раны. Ивар облегченно вздохнул и поспешно выпустил из рук окровавленный наконечник, который с глухим стуком упал ему под ноги. Только в этот момент Ивар понял, что вокруг тихо, как в погребке.

Повернувшись, он обнаружил, что дружина в полном составе стоит у него за спиной. Хаук снял шлем, мокрые от пота волосы потемнели и прядями прилипли ко лбу. Лицо Нерейда украшал здоровенный синяк, а из пореза на ноге Сигфреда, который был хорошо виден через порванную штанину, медленно струилась кровь.

– Ты должен был его прикрывать! – сказал конунг жестко, и глаза его заледенели, став двумя кружками холодного синего пламени. – Ты этого не сделал!

– Я не виноват, оно само получилось, – по своей обычной привычке забормотал Ивар.

– Мужчина отвечает за свои поступки, – очень медленно и четко проговорил Хаук. – В том числе и за те, которые не делают ему чести. Ты допустил ошибку, так хотя бы прими наказание достойно.

Ивар затравленно огляделся. Во взглядах, обращенных на него, не было сочувствия. Конунг шагнул вперед, правая рука его резко дернулась, и тут же в челюсть Ивара точно ударило бревном.

Он неожиданно ощутил, что лежит на палубе, а челюсть ужасно ноет. Конунг взирал на него сверху без всякой злобы, со спокойным видом человека, исполнившего свой долг.

– Эриль нужен нам живым и целым! – сказал он наставительно. – Всякая рана его – удар по всей дружине. Вдруг он теперь не сможет вовремя бросить руны?

– Я понял, – проговорил Ивар, кривясь от мучительной боли.

– Вот и хорошо, – кивнул Хаук. – Поднимайся. Нам пора на весла.

Тяжело развернувшись, словно огромный обожравшийся зверь, корабль заспешил к берегу. Несмотря на продолжительность, бой вышел не очень кровавым. В дружине Хаука погибли только двое, и еще двое не могли пока грести. Арнвид что-то делал с ними, время от времени морщась от боли в простреленном плече.

Ивару при каждом взгляде на эриля становилось стыдно.

Причалили в небольшой, не очень удобной бухточке. Сюда задувал ветер, поэтому костер нещадно дымил, не желая разгораться. За водой и дровами приходилось ходить далеко, но никто не жаловался – грести дальше в поисках более удобной стоянки не было сил.

Трупы убитых врагов, которых оказалось семь штук, ободрали и побросали в море. Эйрик со знанием дела осмотрел снятую с одного из мертвецов кольчугу, после чего передал ее Ивару.

– На, – сказал он. – Отчистишь, и будет твоя. Как раз по росту.

Отскребать кольчугу пришлось песком. Кровь прежнего хозяина отмывалась плохо. Ивар провозился почти до самого заката, заморозил до судорог руки в холодной воде, но зато тем же вечером облачился в кольчужную рубаху.

Впервые в жизни.

Ощущение было непривычным! Надежная тяжесть облекла плечи, холодила грудь сквозь холщовую рубаху, просторные рукава скрыли руки почти до запястий, а внизу кольчуга доходила до самых колен.

– Неплохо, – сказал Эйрик, осмотрев Ивара. – Только подпоясать надо. Бери меч и пошли, с сегодняшнего дня будешь учиться в кольчуге.

– Но я же не поужинал! – возразил Ивар. – И сторожить мне сегодня! Когда я отдохну?

– В чертогах у Одина! – последовал ответ. – Так что сделай все, чтобы тебя туда пустили!

Утро принесло дождь. Косматые седые облака, похожие на нечесанные пряди, прилетели с запада и со злым остервенением принялись заливать мир водой. Крупные капли с шипением бились о скалы, шлепали по траве, падали в костер, заливая его.

Только к полудню распогодилось, и Хаук велел копать могилы для погибших. Один из двух воинов, тяжело раненных вчера, умер ночью, несмотря на все старания Арнвида, так что в широкую яму, вырытую среди сосен, уложили три тела. С мечами, вложенными в руки, щитами в ногах, в шлемах и кольчугах воины выглядели словно живые. Смертельных ран не было видно.

Кряхтя от натуги, приволокли найденный неподалеку валун, который установили на вершине насыпанного поверх тел небольшого кургана. Арнвид, ругаясь и зло поглядывая на Ивара, вооружился зубилом и принялся высекать посмертную надпись. Закончив работу, он поднялся и глухо сказал:

– Пусть примет их в Вальхалле Один! Доблестные воины покинули сегодня наш мир, и единственное, что достойно их памяти, – поминальная виса.

И покуда крепок
Свод кости Имйра —
Сталь звенела сталью —
Не забудут люди
Вязов бури копий —
Славно бились вой.

Когда корабль вышел в море и высокий берег начал удаляться, то удивительно долго видно было серое пятнышко на вершине косогора – установленный на могиле камень со слегка криво выбитыми рунами.

Глава 3

ЧУЖИЕ БЕРЕГА

Море было серым точно так же, как и небо. Вдали клубящиеся тучи и бурлящие волны смыкались, создавая полное впечатление того, что там, на западе, нет ничего – только бескрайняя туманная бездна вроде той, что существовала до рождения мира.

Но именно туда, в сторону, где заходит солнце, а за окомом Мидгарда лежит Ванахейм, Мир Крыльев, чуждый и непонятный не только людям, но даже богам-асам, предстояло совершить путь Ивару. Стоя на плоском камне, скользком из-за долетавших сюда брызг прибоя, он смотрел на запад и никак не мог поверить в это.

С момента схватки с людьми Берси Драного Плаща прошло два дня. Все это время драккар безостановочно плыл на юго-запад, один за другим минуя острова и фьорды Раумсдаля и Южного Мёра.

Сегодня им предстояло пуститься в открытое море.

За спиной Ивара послышались шаги. Он невольно напрягся, ожидая, что это окажется Нерейд, который не упустит случая и скажет очередную шутку. Но пришелец заговорил густым и спокойным голосом Эйрика:

– Что, смотришь?

– Смотрю, – ответил Ивар, не поворачивая головы. В зрелище на самом деле было что-то завораживающее. Отвести взгляд было трудно. – А что там, за морем, куда мы плывем?

– Там? – удивился Эйрик. – Страна Скотланд, где люди слабы, а женщины мягки, точно гагачий пух! Еще южнее – Бретланд, где есть города, которые можно вдосталь грабить! Воины Северных Земель плавают туда давно, и до сих пор никто из южан не смог дать отпор!

– И когда мы вернемся?

– К осени. – Эйрик вздохнул. – До штормов. Пойдем, Хаук собирает всех для жертвоприношения. Боги получают в жертву коня, глядишь, и ветер будет попутным...

На острове Сэла, с которого уходят от родных берегов морские разбойники, издавна располагалось святилище. Кто установил здесь огромный жертвенный камень, покрытый таинственными рунами, кто врыл в землю столбы с ликами богов – неведомо. Ясно лишь одно – случилось это давно. Камень врос в землю, древесина столбов потемнела, сами они покосились, но упорно стояли, сопротивляясь времени, словно в них вселились небожители.

Любой морской конунг, проплывающий мимо, обязательно остановится и принесет жертву. Благодарственную, если возвращается с добычей, или путевую – если только отправляется в поход.

Хаук Лед не пожалел денег и купил в селении, расположенном на острове, коня. Животное, крепко удерживаемое за уздечку, дрожало, точно предчувствуя свою участь, пока Арнвид, воздев руки к небесам (рана в плече зажила на эриле, как на собаке), речитативом призывал богов.

За его спиной стоял Хаук, спокойный и сосредоточенный. В руке его блестел обнаженный меч. Позади конунга толпились прочие викинги, молча внимающие словам молитвы.

Арнвид замолчал.

Конунг сделал шаг, и остро отточенное лезвие слегка, почти ласково, коснулось шеи животного. Конь дернулся, но тут же затих – из зияющей раны густо полилась багровая кровь. Потоками она стекала по камню, и казалось, что высеченные на его поверхности древние руны, поглощая жидкость, загораются темным пламенем.

Лица богов задвигались, ожили, глаза обратились на людей, а в скрипе старых столбов послышались пронзительные голоса, полные злобного, сытого удовлетворения...

Ивар содрогнулся, и наваждение исчезло.

– Боги приняли подношение! – воскликнул Арнвид. Поверхность камня, только что покрытая кровью, была девственно чиста. Словно жертвенный валун вымыли и вытерли насухо. А Ивар еще удивлялся, впервые увидев его: куда делась кровь от предыдущих приношений?

Вот и ответ.

– Все на корабль! – приказал Хаук, обтирая меч пучком травы. – Мы отплываем!

Море встретило викингов, вопреки всем ожиданиям, недружелюбно. Стоило драккару отойти от берега, как могучие валы, катящиеся с северо-востока, принялись швырять корабль, словно щепку. Доски обшивки скрипели и стонали, Ивар с трудом удерживался на ногах, недавно съеденный завтрак с боем норовил прорваться обратно.

Легче стало, когда поставили парус. Белоснежное полотнище с алым диском солнца гордо взметнулось над волнами, и, точно привлеченное им, из-за туч выглянуло настоящее светило. Ветер чуть ослаб, из сильного став просто ровным, и корабль понесло в нужном направлении.

Оставшийся за кормой высокий скалистый берег сначала уменьшился, затем превратился в темную полосу, а потом совсем пропал в висящей над морем дымке.

Сердце Ивара прорезала тоска, острая, как спица. На мгновение нахлынуло болезненное предчувствие, что он не вернется сюда, никогда не увидит фьордов с их высокими, словно стены, построенные руками исполинов, склонами, прозрачных рек и зеленых лесов родной страны...

Но последовала команда «На весла!», и дурное чувство исчезло, сменившись хорошо знакомым, но от этого не менее неприятным ощущением боли в намозоленных ладонях и натруженных плечах...

– Будет шторм! – В голосе Арнвида звучала тревога. Встав на свою лавку, эриль смотрел на юг. Удерживать равновесие ему не мешали ни ветер, зло свистящий в вышине, ни качка, из-за которой драккар то подкидывало вверх, то словно швыряло в яму.

– Откуда ты знаешь? – поинтересовался Ивар.

За проведенные в море дни он научился многому – спать на узкой лавке, завернувшись в овчину, питаться исключительно холодной пищей и справлять нужду за борт. Не сказать что учеба была слишком уж интересна или приятна, но отказаться от нее возможности не было, разве что прыгнуть в море.

Кроме всего прочего, укрыться от холодного сырого ветра на драккаре было негде, и Ивар ухитрился простудиться. От его оглушительного чихания просыпался даже Вемунд, которого не смог бы разбудить и Тор при помощи своего молота...

– Посмотри сам, – покачал головой Арнвид. – Вон туда.

То, на что указывал грязный палец эриля, выглядело как высунувшаяся из-за южного горизонта иссиня-черная гора. Только приглядевшись, можно было заметить, что края этой горы, белые словно снег, клубятся и меняют очертания.

Исполинская туча, похожая на клык самого Фенрира, тянулась вверх, должно быть надеясь наколоть на себя солнце, пока еще весело купающееся в чистой лазури.

– Ну и что? – Ивар пожал плечами. – Ведь даже ветер не оттуда?

– Это-то меня и пугает, – покачал головой Арнвид и отправился к конунгу. Результатом их беседы стало то, что дружину усадили за весла.

– Плыли и плыли, и ничего себе, – ворчал недовольный Вемунд. – Пусть шторм, ну и что? В первый раз, что ли...

Ивар, не говоря ни слова, ухватился за весло. Тревога эриля была искренней и отчасти передалась окружающим, но прикосновение к холодной тяжелой рукояти подействовало успокаивающе. За прошедшие дни Ивар свыкся с греблей, а мускулы его, поначалу тяжело жало-

вавшиеся на судьбу, стали потихоньку привыкать. Медленные размеренные движения, когда откидываешься назад, а затем тащишь весло на себя всей спиной, руками, плечами...

Но на этот раз все было не так. Конунг словно обезумел. Понукаемые им опытные гребцы, задающие темп, зачастили. Весла трещали, плескала за бортом потревоженная вода, драккар мчался точно на запад, стремясь уйти из-под сени гигантской тучи, которая, подобно громадному черному чудищу, выползала из-за горизонта. Из ее недр доносилось глухое гневное рычание, в синеве взблескивали далекие пока молнии.

Солнце было пожрано в одно мгновение. Вот оно сияло, щедро рассыпая по зеленоватой поверхности воды золотые блики, и вот его уже нет, а море вокруг стало серым, как вытертая волчья шкура.

– Раз! Раз! Раз! – выкрикивал Хаук, задавая темп. Ивар ощущал, как горячий воздух со свистом рвется из его груди, а мускулы готовы лопнуть. Хотелось бросить все и без сил упасть на лавку. Но он заставлял себя сделать еще один гребок, и еще один, и еще, и...

Северо-восточный ветер, будто напуганный чудовищем в небесах, затих, а на смену ему с юга примчался ревущий порыв. Он вздыбил поверхность моря, покрыв ее белыми бурунами, заставил людей на корабле ослепнуть от брызг. Парус хлопнул, мачта угрожающе затрещала.

– Снимать парус! – рявкнул конунг.

Пока возились с мачтой, туча заняла уже полнеба. Могучее темное тело ее вспучивалось клубами, на юге была видна быстро приближающаяся серая пелена дождя. Надвигающиеся облака выглядели тяжелыми, словно состояли не из мозгов убитого богами великана Ими-ра, а из камней. Казалось, что вот-вот, и они рухнут вниз, погребя мир под чудовищной массой...

– Не успевааааееем! – простонал кто-то из викингов.

– Нас зацепит краем, и это уже хорошо, – ответил Арнвид, сосредоточенно чертящий в воздухе руны. Знаки вспыхивали темным золотом, особенно ярким в сгущающейся мгле, и тут же растворялись, не давая видимого эффекта.

– Уд Бергельмира! – выругался эриль, когда очередная руна, вспыхнув, окончила существование. – Эта гроза, клянусь шляпой Тунда, не в моей власти! Придется накладывать заклятие на корабль!

Теперь колдовство продвигалось успешнее. Руны, наносимые прямо на борт драккара, загорались синим огнем и угасали медленно, словно впитываясь в дерево. Слов, которые бормотал себе под нос эриль, в гуде волн и реве ветра разобрать было нельзя.

Едва Арнвид закончил последний знак, хлынул дождь. Ледяные потоки ударили вниз с силой стрел, выпущенных из тугого лука. Ивар мгновенно промок, а тяжелые струи все секли и секли, как кнуты беспощадного надсмотрщика.

– Весла убирать!

Крик Хаука на мгновение перебил рев бури, и в тот же момент в борт корабля словно ударило огромным кулаком. Драккар подбросило, и Ивар, кляцнуv зубами, подлетел в воздух.

К его удивлению, он шмякнулся на собственную лавку. Викинги спешно убирали весла, одно, попавшее-таки под волну, сломалось, как тонкая веточка.

– Все, – пробормотал Вемунд, ловко привязывая себя к скамье. – Теперь от нас мало чего зависит. Только от силы рун Лысого да от воли богов... Ты тоже, кстати, привяжись!

Ивар поспешил последовать совету. Трясущиеся от страха руки не слушались, сердце трепетало, и пальцам было не под силу сплести самый простой узел. Веревка спутывалась, точно недовольная жизнью змея, решившая задушить себя.

От отчаяния он едва не стонал.

Выглянув за борт, Ивар оцепенел. Прямо на корабль шла волна высотой с доброе дерево. Ее верхушка, загнутая, словно гребень петуха, грозно клочкотала, а подножие надвигалось с пугающей быстротой. Она наверняка перехлестнет через корабль и смоев все, что не закреплено.

Издав сдавленный писк, Ивар вновь ухватился за веревку. Ломая ногти, он затянул узел и брякнулся плашмя на скамью, крепко ухватившись за нее руками.

Поток воды, рухнувший на него сверху, можно было бы сравнить с небольшим водопадом. Могучие водяные руки подхватили Ивара и попробовали оторвать от корабля, чтобы бросить в алчную пасть моря. Но он вцепился изо всех сил в лавку, он боролся, а легкие горели от недостатка воздуха...

А потом вдруг оказалось, что волна схлынула, что он сам все еще жив, а корабль цел, и что зубы, словно пустившись в пляс от радости, принялись постукивать друг об друга.

Воздух, напоенный влагой, показался удивительно вкусным.

– Ты чего трясешься? – спросил кто-то знакомым голосом.

Отлепив лицо от скамьи, Ивар рискнул открыть глаза. Рядом с его лавкой стоял Хаук. Конунг был насквозь мокрым, словно купался в одежде, но в синих глазах горел неукротимый холодный огонек.

– Так ведь страшно... – прохрипел Ивар. – Утонуть можем запросто...

– Чего же бояться? – Хаук иронично поднял бровь и слегка улыбнулся. Блеснули белые ровные зубы. – Смерть настигнет тебя рано или поздно. Она неизбежна, и страшиться ее так же глупо, как наступления рассвета! А момент, когда это случится, известен только Норнам. От Судьбы никто, даже величайший из богов, не уйдет!

Конунг пошел дальше, подбадривая мокрых и замерзших людей, а Ивар остался лежать, размышляя над его словами. Затем вдруг сел, и странное спокойствие снизошло на его измученную тревогами и переживаниями душу. Скорее всего, бывший работник бонда Аки Золотая Борода просто испытал такой страх, когда бояться уже не остается сил...

Он равнодушно смотрел, как приближается очередная волна, слушал, как стонут от напряжения доски обшивки. И даже разверзшийся по борту провал, в который драк-кар почти рухнул, не заставил сердце дрогнуть.

Чуть ли не впервые в жизни Ивар чувствовал себя совершенно спокойно.

Корабль двигался в тумане, густом, точно топленое молоко. Нависшая над морем серая хмарь, плотная, как дерюга, не давала даже понять, как высоко взошло солнце. Стоящий на носу дозорный время от времени кричал:

– Ооодиин!

Доносящееся чуть справа по курсу слабое эхо говорило, что там, за пеленой клубящейся мглы, находится берег. Закончившаяся вчера вечером буря отступила, зашвырнув корабль к северу от первоначального курса, но туман, поднявшийся от волн с первыми лучами рассвета, как бы подсказывал, что земля рядом.

В полном безветрии тихонько хлюпали волны, тыкающиеся в борта корабля, как слепые котята в бок матери, да едва слышно плескали осторожно погружаемые в воду весла. Драккар двигался едва-едва, боясь напороться на подводные камни.

– Ооодиин! – вновь закричал дозорный. Отклик на этот раз вернулся чуть быстрее, и Нерейд, которого поставили на нос за острые глаза и голосистость, обернулся и посмотрел на Хаука.

– Берег близок, мой конунг, – сказал он. – Пусть не гребут вообще.

Весла извлекли из воды, и они застыли, роняя в воду тяжелые капли. Только этот звук да чуть слышное шуршание, доносящееся из-под киля, нарушали тишину.

– Слышу, – прошептал один из викингов. – Волны бьют о берег. Вон там!

И он поднял руку, показывая в густой туман.

Вскоре ровный, однотонный плеск слышали уже все. Драккар продолжал двигаться, скользя по ровной, словно стол, поверхности моря. Впереди, в тумане, обозначилось нечто темное.

Струи тумана раздвинулись в стороны, и глазам викингов предстал низкий холмистый берег, поросший кустарником. Бледно-зеленые листья висели неподвижно, блестя от осевшей на них влаги.

– Берег! – радостно выкрикнул кто-то из молодых викингов, а Ивар услышал быстрый обмен репликами между конунгом и эрилем.

– Это не Фареры, – проговорил Хаук. – До них нас не смогло бы донести. И не Хьяльтланд, больно уж берег ровный.

– Тем более это не Оркнейские острова, – задумчиво огладив лысину, кивнул Арнвид. – Пахнет большой землей. Это Скотланд, конунг.

– Идем на юг, – после короткого раздумья отдал приказ Хаук. – Нам нужна пресная вода для стоянки.

Викинги с невиданным воодушевлением уселись на лавки и взялись за весла. Деревянные лопасти вспенили спокойные прибрежные воды. Берег уплывал на север, на нем ничего не менялось, один ряд холмов уступал место другому, а за ними угадывались довольно высокие горы. Разглядеть их получше мешал туман.

Устье небольшой речки подвернулось очень кстати. Небо, по-прежнему скрытое серой хмарью, начало темнеть, а плыть во мраке вдоль незнакомого побережья не рискнет даже самый безумный викинг.

Мягко разошелся прибрежный ил, когда корпус драк-кара проделал в нем изрядную прореху. Со скрежетом корабль уткнулся в довольно крутой берег и встал. Ивар спрыгнул на зеленую высокую траву одним из первых и едва не упал – настолько непривычным оказалось по ней ступать.

Вцепившись в судно, точно муравьи в пойманного жука, викинги потащили его наверх. С треском ломались кусты, слышалось сопение и кряхтение, время от времени раздавались проклятия, когда у кого-то скользил сапог.

– За дровами! – скомандовал Хаук. – Возьмите оружие и держитесь по трое! Неизвестно, где мы, – рядом может быть враг! Пятеро со мной – у корабля!

Ивар попал в одну команду с Кари и Ториром. Торир Топор в Глазу все время беспокойно озирался и то и дело хватался за рукоять оружия. Кари Ленивый, который взял с собой только меч и не надел кольчугу, наоборот, выглядел каменно-спокойным и ломился сквозь заросли, точно лось во время гона.

Но опасности вокруг не чувствовалось. Кустарник перемежался лесом, таким же сырым и пустынным. По траве, по земле в обилии рассыпаны следы животных, людских же – кострищ, засечек от топора на деревьях – видно не было.

– Где мы, как думаешь? – спросил Ивар у берсерка, когда тот могучим ударом топора свалил здоровенную сушину и стал укладывать ее себе на плечо.

– Судя по тому, как тут сыро, в Бретланде. Хотя там поселения на каждом шагу...

– А что за народ тут живет? – Ивар насобирал веток и двинулся вслед за Кари, который, проламываясь сквозь подлесок, оставлял за собой настоящую просеку. Торир прикрывал им спины.

– Народ как народ, – медленно ответил берсерк. – У женщин все, как и у наших, а мужики мелковаты. Схватишь такого покрепче – и раздавишь, как букашку...

И Кари тяжело вздохнул, явно опечаленный хлипкостью местного населения.

Туман к утру загустел так, что видимость сократилась до нескольких шагов, а затем неожиданно расплылся, словно разодранный плащ. Последние лоскутки серой хмари попрятались по оврагам, укрылись под сенью деревьев, не решаясь показываться на открытом месте. Из-за туч выглянуло неяркое робкое солнце, бросило желтые лучи на зелень холмов. Хмурое море под лаской светила заиграло бликами, и только речные воды остались темны и непрозрачны.

Весла с плеском погружались в них, толкая корабль против течения. Драккар двигался вверх по реке, а по сторонам проплывали безлюдные дикие места. Серdito захрюкал с берега, завидев людей, кабан. Стадо – самки и детеныши – с писком и топотом кинулось в чашу.

Лес постепенно редел, уступая место кустарнику. Вскоре встретилась первая вырубка. При ее виде викинги оживились, лишь конунг, неподвижно застывший на носу, остался бесстрастен.

– Надеть кольчуги, – приказал он после того, как в прибрежных кустах была замечена развалившаяся старая лодка.

Река сделала поворот, и стала видна деревушка. Десятка полтора убогих домиков кучей сгрудились на пологом, поднимающемся к югу берегу. Ветер принес запахи дыма и навоза, а также овечьё блеяние.

При виде корабля викингов в деревне раздались истошные крики. Забегали люди, суматошно вопя и размахивая руками.

– Чего это они? – спросил Ивар недоуменно.

– Рады нас видеть, – хмыкнув, ответил ему Вемунд, который уже держал в руках свою огромную секиру. Ему явно не терпелось пустить ее в ход. – Сейчас пивом нас встретят!

Но вопреки обещанию толстого викинга пива никто нести не собирался, да и в криках звучала не радость, а скорее страх. Жители деревни, хватая детей и пожитки, удирали к лесу.

Но успели не все.

Драккар ткнулся в берег, и драконья голова на штевне угрожающе закачалась. Викинги с воплями начали прыгать на сушу. Позади всех шел конунг.

– Эйрик, кого-нибудь взять живым! – рявкнул он.

Две Марки понимающе кивнул.

Ивар бежал вместе со всеми, не очень понимая, зачем он это делает. Вокруг мелькали могучие фигуры соратников, видны были их перекошенные кровожадной радостью лица. Вемунд с грохотом вломился в хлев, принялся пинками выгонять оттуда суматошно блеющих овец. Торир запалил факел и начал поджигать дома. Из-за лачуг, за которыми скрылись самые шустрые викинги, доносились женский визг и довольные вопли.

Из-за дома, похожего больше на груды досок, выскочили двое невысоких мужчин со спутанными темными волосами. Лица их были размалеваны белой краской, а на щеках виднелись симметрично расположенные шрамы – по три вертикальные полоски. В руках у одного был топор, у другого – рогатина.

Ипуская дикие вопли, они бросились на Ивара. Пугаться времени не было, бежать тоже, и поэтому он попросту выставил перед собой меч и укрылся щитом. К его удивлению, враги отступили.

Приободрившись, Ивар сам пошел в атаку. С криком бросился на того, кто казался послабее, с топором. Лезвие рассекло воздух и ударило в пустоту, а Ивар ощутил болезненный толчок в бок. Второй противник, что с рогатиной, не зевал, правда, острие его оружия, скорее охотничьего, чем боевого, пробить кольчугу не смогло.

Боль от удара заставила Ивара разозлиться. С неожиданной прытью он скакнул вперед, оказавшись между врагами, и широко махнул вправо. Меч ткнулся во что-то мягкое, на мгновение задержался и тут же продолжил движение. В лицо Ивару брызнуло теплым. На губах он ощутил соленый вкус.

Не поворачиваясь, Ивар поднял щит. Почувствовал сильный удар и тут же атаковал в ответ. Однако его противник оказался проворнее. Высоко задирая ноги, он мчался к лесу.

Гнаться за ним желания не было.

Обезглавленное тело того, что был с рогатиной, лежало на земле, а из перерубленной шеи толчками выплескивалась кровь. Только в этот момент Ивар понял, что казалось ему странным

во время боя – оба противника "были много ниже него, хотя среди своих Ивар не считался великаном.

От вида обезглавленного трупа ему стало дурно, и он пошел дальше. Под ногами чавкала сырая земля, нос сводило от кислого запаха нечистот. Где-то за спиной весело ревело порожденное Ториром пламя, пожирая хлипкие строения. Овцы, судя по истошному блеянию, готовились к смерти.

За крайним к лесу домом слышались равномерные хекающие звуки. Свернув туда, Ивар наткнулся на лежащую женщину. Платье ее было задрано, льняные волосы выпачканы в грязи, а сверху возился, взбрыкивая задом, Нерейд. Рыжие волосы его слиплись от крови. Женщина надрывно, страшно стонала. Чуть дальше валялась еще одна, постарше, с распоротым животом. От вида вывалившихся внутренностей, по которым ползали мухи, Ивару вновь стало дурно.

– Хочешь? – спросил Нерейд, поднимаясь с женщины и натягивая штаны.

Жительница деревни, попавшаяся в лапы Нерейду Болтуну, была молода и красива. Ее сочное тело напоминало аппетитный кусок мяса. Но Ивара в этот момент не привлекла бы и сама Фрейя, вздумай она спуститься в Мидгард.

– Нет, – ответил он, судорожно сглотнув.

– Как хочешь. – Нерейд пожал плечами и стремительным движением вонзил меч прямо в высокую белую грудь, на которой еще виднелись отпечатки окровавленных пальцев.

Женщина дернулась и затихла. Ивар вздрогнул.

– Пойдем, – проговорил Болтун, вытирая клинок о траву. – Все равно уже все разбежались...

У берега, к которому пристал драккар, собралась вся дружина. Насколько можно было видеть, никто не был ранен, лишь на лице Сигфреда краснели царапины, оставленные явно женскими ногтями, да Кари потирал бок, ушибленный рухнувшим домиком. Перед конунгом, упав на колени, застыл лохматый старик. Седые космы его вились на ветру, а руки были крепко связаны за спиной.

– Если ты ответишь на все мои вопросы, – в голосе Хаука было столько же тепла, сколько в сугробе, – то я отпущу тебя живым. И, самое главное, мы уйдем сразу. Ты понял?

Эйрик Две Марки, стоящий рядом, сделал шаг вперед и приподнял пальцем подбородок пленника.

– Ты понял? – спросил он, глядя в мутные стариковские глаза, в которых плескался страх.

– Да, господин, – поспешно отозвался тот, показав бледные десны, из которых торчали жалкие остатки зубов. – Спрашивайте! Я отвечу!

– Как называется ваше племя?

– Враги именуют нас пиктами. – В голосе деда вдруг прорезалась гордость.

– Хорошо, – кивнул Хаук и обменялся понимающими взглядами с Арнвидом. – Какой ближайший город?

– Апардьон. – Пленник почти выплюнул это слово. – В трех днях пути на юг.

– Отпустите его, – приказал конунг. – И все на корабль! Вемунд, куда ты загнал столько баранов на борт? Нам места не останется!

– Так свежего мяса охота, – простодушно ответил толстый викинг, который в грабеже был столь же проворен, как ленив во всех других делах. – Не все же на сухарях сидеть.

К огорчению Вемунда, большую часть животных пришлось оставить. На не таком уж большом корабле для них просто не было места.

Вновь сели на лавки и взялись за весла, но на этот раз шли вниз по течению, и грести было гораздо легче. Не успели ступить вечерние тени, а солнце – нырнуть за пики высающихся на западе гор, как впереди открылось море, темно-синее, словно огромный драгоценный камень.

Апардьон стоял на высоком холме, возвышавшемся у самого устья неширокой речушки. Вокруг него на валу высился не обыкновенный частокол, а настоящие деревянные стены, сло-

женные из больших толстых стволов, которые и захочешь – не подожжешь. По углам виднелись мощные башни. Точно огромные мрачные чудовища они недружелюбно смотрели на море узкими глазками бойниц. На башнях, на стенах и у ворот, ведущих в город, была стража – воины в кольчугах и с длинными мечами.

– И что, мы будем штурмовать этот город? – спросил Ивар у Нерейда.

Они расположились среди густого кустарника, росшего у самого моря. Среди пышных зарослей лазутчиков не разглядел бы даже орел, зато им все было прекрасно видно.

– Зачем? – удивился Нерейд. – Мы будем его грабить! Не зря конунг пока спрятал драккар и направил разведку!

Кроме них подходы к Апардьону с других сторон изучали еще две пары лазутчиков. Корабль же викингов был под охраной укрыт в небольшой бухте гораздо севернее.

– А как можно грабить город, не взяв его штурмом? – не понял Ивар.

– Скоро поймешь, – загадочно ответил Нерейд и вновь уставился в сторону Апардьона.

Судя по тому, что стражи настороженно вертели головами, вглядываясь в окрестности, а в ворота одна за другой въезжали телеги, заваленные крестьянским добром и усаженные людьми, кто-то предупредил обитателей города о том, что в окрестностях появились страшные северяне.

Ивар на разведку идти не хотел. Но Эйрик Две Марки, который принял что-то вроде покровительства над молодым викингом, добился своего. Идя след в след за Нерейдом, Ивар всю дорогу отчаянно трусил. Ему казалось, что вот-вот из-за кустов вылетит стрела и воткнется в не защищенное кольчугой горло или выскочат крестьяне с топорами...

Но обошлось. Теперь приходилось лежать на холодной сырой земле, сдерживать зевоту и изо всех сил вслушиваться в то, что происходит вокруг. Один наблюдает, другой охраняет – очень простое правило, которого следует придерживаться, если хочешь выжить.

Хотелось пить, а от голода неприятно бурчало в животе.

– Ладно, пойдем, – сказал, отползая назад, Нерейд.

– Что, определил слабые места? – спросил Ивар. Тут же он задел коленкой узловатое корневище и зашипел от боли, точно большая и очень сердитая змея.

– Нет, – покачал головой рыжий викинг, за заслоном из высоких кустов выпрямляясь в полный рост. – Стена тут хороша. Подойти тяжело. Кроме того, нас ждут именно с моря. Поэтому, я думаю, нам отсюда атаковать не стоит.

Он потянулся так, что в спине захрустели позвонки, и широким, размашистым шагом двинулся на север. Ивару ничего не оставалось, как последовать за соратником.

Веревка больно врезалась в плечи, а за спиной слышалось мощное дыхание. Ивара обдавало запахом пива и гнилых зубов, который, однако, не мог перебить вонь гниющих водорослей, через склизкие заросли которых они протискивались почти с самого заката.

Драккар, ведомый бечевой, неслышно скользил вдоль берега. С суши его прикрывали несколько вооруженных воинов, прочие, сипя и хрипя, месили сапогами морское дно. Вода чуть не шипела, прикасаясь к раскаленным от усилия телам.

– Все, хватит! – шепотом окликнули с берега. Голос Хаука можно было узнать с некоторым трудом.

Ивар поднял голову. Тихо струился слабый свет с почти полностью затянутого тучами неба. Ивар постепенно узнал окрестности. Еще полсотни шагов, и из-за мыса, точно кинжал вонзающегося в море, станет виден город.

– Эйрик, высунешься из-за мыса не раньше, чем мы вышибем ворота! – проговорил Хаук, пока викинги, тяжело дыша, выбирались на берег. Вода стекала с них потоками, с тихим журчанием исчезая в траве.

Шестеро уходящих выстроились цепочкой и в полном молчании исчезли в лесу. Впереди – лучший следопыт дружины – Даг Бесшумный. Кроме него конунг, Торир и Сигфред Весло

– все легкие и ловкие, как рыси. Арнвид, которому отведена главная роль, и еще Ивар. Он сам не мог понять почему. За спинами – щиты, мечи оттягивают пояса; кольчуги, чтобы не звенели, оставили на корабле.

Во время пути через ночной лес Ивар чувствовал себя непривычно и тревожно. Деревья, раскачиваемые ветром, казались исполинскими чудовищами, в темноте что-то шуршало, ухало и трещало. Присмотревшись повнимательнее, можно было разглядеть крошечные источники света за стволами – то ли гнилушки, то ли горящие глаза неведомых зверей, то ли факелы лесных духов...

Мягко шелестела под ногами трава, шумело за спиной море. Из глубин леса тянуло запахом листвы и сырой травы. Мрак вокруг казался таким густым, что его можно было черпать ведрами. За направлением движения Ивар не следил и поэтому очень удивился, когда деревья впереди разбежались, открыв обширную, в полсотни шагов, вырубку. Высящаяся за ней темная масса, должно быть, была городской стеной.

– Ползком!

Шепотом отданный приказ был передан по цепочке, и викинги один за другим принялись ложиться. Слышались приглушенные проклятия.

Ивар тоже бухнулся на живот и пополз, стараясь не терять из виду сапоги ползущего впереди Сигфреда. Это оказалось на удивление нелегко. Руки он тут же ободрал обо что-то, в живот постоянно впивались какие-то острые сучки, а вдобавок, разворошив локтем муравейник, Ивар едва не задохнулся от резкого кислого запаха.

Стена медленно приближалась. На ней не было видно ни единого огонька, все стражи с факелами, должно быть, столпились у ворот, ожидая, когда же к городу подплывет корабль с драконьей головой на носу.

Сопя, точно обожравшийся медведь, Ивар полз вперед. Пот заливал глаза, мешая видеть. И, лишь упершись лицом в сапог Сигфреда, молодой викинг остановился. Его соратник спереди замер и явно чего-то ждал.

На счастье, в дружине были люди с куда более острым зрением, чем у Ивара.

Тренькнула тетива лука Торира, и со стены с мягким шлепком упало что-то большое.

– Веревки! – Хаук теперь не боялся командовать вполголоса. На этом участке стены, судя по всему, был выставлен только один часовой.

Прочные веревки с закрепленными на концах крюками одна за другой полетели вверх. С сухим треском впивались крючья в дерево, чтобы тут же начать разгибаться под тяжестью взбирающихся по веревкам воинов.

– Порядок, – пробурчал Сигфред и, ловко перебирая руками, полез вверх. Вскоре он исчез, из тьмы доносилось только равномерное сопение. Потом оно стихло, и сверху прошептали:

– Порядок. Лезь!

Ивар неуверенно взялся уже ободранными ладонями за шершавую веревку и с неожиданного страхом оглянулся вокруг. Но поддержать его было некому, равно как и пожуричь за трусость, и, крепко стиснув зубы, Ивар подтянулся. Обхватил вырывающуюся веревку ногами, до боли прижав друг к другу лодыжки, и передвинул руки.

Потом еще. И еще.

Меч на поясе мешался, щит на спине, казалось, весил больше лося. Саднили превратившиеся в одну сплошную рану ладони. Но он полз и полз вперед, пока не обнаружил, что веревка кончилась и нужно хвататься за деревянный настил, венчающий стену.

Так он и сделал, засадив в пальцы пару заноз. Перекинул тяжелое, словно каменное тело, ощущая, как дрожат мускулы, и с облегченным всхлипом рухнул на доски. Сердце ходило ходуном, руки тряслись.

– Вставай! – Арнвид, пробегая мимо, слегка пнул его ногой. – Нашел время дрыхнуть!

Со стоном Ивар поднялся на ноги и попытался понять, что происходит. Судя по скрипу досок, его соратники переместились левее, туда, где из полумрака выступал величественный силуэт башни. Ивару ничего не оставалось, как последовать за остальными.

Со стены во внутренности башни вела дверь, хорошо видимая из-за сочащегося в темноту контура желтого света. Дождавшись, когда подойдут все, Хаук легко распахнул тяжеленную и снабженную толстым (по счастью, не запертым) засовом дверь и метнулся внутрь.

Послышалось мягкое чавканье.

Конунг не останавливаясь бежал дальше, вниз по лестнице. Один за другим за ним следовали воины. Пробегая через комнату караула, Ивар заметил на столе большой кувшин, ноздри уловили кислый запах пива. Труп стражника распластался на лавке, смерть настигла воина во сне. Лицо его находилось в тени, но не заметить страшную рану, рассекающую череп почти до рта, было, невозможно.

Ивар сглотнул.

Пронеслись мимо толстенные, с торчащим из щелей мхом стены. Нижние этажи башни оказались безлюдны. Грудами высились какие-то мешки, громоздились бочки, в одном из углов стоял большой чан. Зачем он здесь, Ивар понять не успел, так как викинги проскочили башню и выбежали в город.

Апардьон спал. Над ним светили, проглядывая через прорехи в облаках, равнодушные звезды, а по улицам метался холодный северный ветер, разнося запахи нечистот и конского навоза.

– Быстрее! К воротам! – коротко приказал Хаук. Меч его льдисто сверкнул во мраке.

Они бежали по улицам, и эриль не отставал, несмотря на возраст. Во дворах, чуя чужаков, сердито взлаивали собаки. Пара наиболее злобных зверей перемахнула заборы и бросились на незнакомцев. Свирепое рычание смолкло, сменившись истошными взвизгами, а затем тишиной, и оружие викингов обагрилось кровью. Сапоги из мягкой кожи позволяли бежать бесшумно, и мало кто из обитателей города услышал морских удальцов.

Обширная площадь перед воротами оказалась заполнена. Горели костры, освещая телеги, распряженных лошадей и спящих вповалку прямо на земле людей. Должно быть, тут были все, кто устремился под защиту городских стен, прослышав о набеге викингов.

У самых ворот пылали, разбрасывая искры, факелы, вырывая из тьмы толстенный, в туловище человека засов и мощные, окованные железом створки. Чтобы выбить их тараном, пришлось бы приложить немало усилий.

У ворот замерли двое воинов, а окна караулки – длинного низкого сарая слева от ворот – пропускали свет, как бы говоря о том, что там не спят.

– Ну что?! – Хаук взмахнул мечом так, что лезвие со свистом рассекло воздух. – Вперед! И да поможет нам Один!

Глава 4

ПЛАМЯ СРАЖЕНИЙ

Быстрым шагом, стараясь держаться подальше от костров, они торопливо двинулись через площадь. От стоящей в воздухе кислой вони, складывающейся из запахов недоеденной пищи, домашних животных и множества немытых тел, с трудом можно было дышать. Слышны были храп и сопение. Под одной из телег, судя по лихорадочным стонам, происходил процесс продолжения рода.

Привязанные к телегам лошади провожали викингов недоуменными взглядами.

Стоящие у ворот стражи так ничего и не поняли. Оба они дремали, привалившись к стене, и даже не думали о возможном нападении. Викинги бросились на них молча и стремительно, точно атакующие волки.

Ночная тьма, только что бывшая такой спокойной, наполнилась взблесками острой стали. Меч Хаука вонзился в горло врага легко, словно в воду. Хлынула кровь, сраженный воин, хрипя, рухнул. Второй отразил щитом неловкий удар Ивара и, прежде чем его пронзил мечом Сигфред, ухитрился крикнуть:

– Враги!

Истошный вопль, полный боли и страха, прокатился над площадью, которая отозвалась слитным шорохом, словно тысячи маленьких зверьков вылезли из нор. В караулке послышалась возня и лязг оружия, затопали ноги сверху, на стене.

– Арнвид, быстрее! – приказал Хаук, разворачиваясь затылком к воротам и пропуская эриля за спину. – А вы – полукругом, щиты поднять!

Укрытые под навесом ворот, они были недосыгаемы для стрел, пущенных сверху. Враги могли атаковать только в лоб.

Из здания караулки с воплями и топотом высыпало десятка полтора воинов. Блестели лезвия длинных мечей, маслянистые отблески играли на низких округлых шлемах.

– Они расстреляют нас из луков, – сказал Ивар.

– Не успеют! – уверенно ответил Хаук. – Пока соберутся, мы ворота выломаем! Арнвид, не спи!

Эриль ножом вырезал на одной из створок сложную составную руну. Прочное дерево скрипело и поддавалось плохо.

– Сейчас! – прохрипел Арнвид, с усилием налегая на нож. – Еще чуть-чуть!

– Вперед! – рывкнул самый высокий из городских воинов, должно быть, командир, и его подопечные ровной шеренгой двинулись на маленький отряд викингов, сжавшийся, точно загнанный в угол хищный зверь. За их спинами бурлила разбуженная криками и лязгом оружия площадь. Слышалось бормотание, похожее на гудение пчел в улье, через которое время от времени прорывались отдельные панические вопли. Ржали лошади.

– Строй не нарушать! – скомандовал Хаук и первым подал пример, отразив удар особенно ретивого воина и тут же шагнув назад. От повторной атаки конунг ловко закрылся щитом. Сталь звякнула о сталь.

Ивар крепче сжал рукоять меча, ощущая, как она выскальзывает из потной ладони. Ряд надвигавшихся воинов выглядел единым чешуйчатым существом с множеством лап, с которым невозможно сражаться, которое никак не победить...

Два меча ударили почти одновременно. Ивар подставил щит, но ловко направленное оружие с треском прошибло его и вонзилось воину в бок. Но не успел он испугаться, как сзади послышался хлесткий крик Арнвида:

– Все на землю!

Не успев осознать, что делает, Ивар брякнулся на живот. Остальные викинги последовали его примеру. Ошарашенные таким маневром городские воины замерли, глаза их выпучились.

И в тот же момент руна, нанесенная таки упорным эрилем на ворота, вспыхнула нестерпимо ярким фиолетовым светом. Он резанул глаза, с потрясающей четкостью вырвав из тьмы площадь, заполненную испуганными людьми.

Затем раздалось громкое «Бумм!», Ивар ощутил горячее дуновение, лизнувшее затылок. Выстроившихся цепью стражников разметало, словно листья порывом ветра, а к небу, жадно пожирая дерево, взвилось рыжее пламя.

Волна жара накатила сзади, заставив Ивара взвыть раненой волчицей и броситься вперед. Отбежав на безопасное расстояние, он оглянулся. Ворот не было, между створами осталась только куча пылающих обломков. Горели также обе башни. Сквозь образовавшуюся прореху было видно устье реки и спешащий к городу драккар.

Вокруг бегали обезумевшие от ужаса люди. Лошади, испуганные огнем, рвали привязи и с громким ржанием мчались во тьму, топча все попадавшееся на пути. Кто-то пытался спасти свое добро, кто-то – присвоить чужое, но большинство – просто метались, поддавшись панике...

– Встать! – нерастерявшийся Хаук уже командовал. – Добить их! Арнвид, осмотри рану Ивара!

Сигфред и Торир бросились резать ошеломленных стражников. Только тут Ивар вспомнил, что его пырнули мечом. Рубаха на боку стала липкой от крови, волнами расходилась от раны тупая боль.

Ощувив внезапный прилив слабости, он покачнулся.

– Спокойно, – сказал эриль, ловко придерживая раненого. – Это всего лишь порез! После боя подойдешь, я посмотрю!

Он отпустил подол рубахи, которую ловко задрал, высматривая повреждение, а Ивар со странным трепетом понял, что отметина от этого первого в жизни ранения останется на его теле навсегда.

– Одину слава! – Дружный боевой клич грянул от ворот, вернее от того места, где они когда-то были. Через проход, пинками отшвыривая в сторону пылающие доски, входили викинги во главе с Эйриком.

В башнях, да и по всему городу еще уцелело немало воинов, но участь Апардьона была предрешена.

Ивара мягко потрясли за плечо. С трудом выныривая из объятий дремы, он услышал:

– Вставай, быстрее! Твоя стража!

Разлепив тяжелые, словно намазанные глиной веки, он увидел склонившегося над ним Нерейда. Рыжий насмешник зевнул во весь рот и показал Ивару кулак.

– Давай-давай! – приободрил он соратника. – Эйрик уже встал! Вам с ним до завтрака сидеть!

При воспоминании о том, что сегодня ему выпала самая неприятная, предутренняя стража, Ивар содрогнулся. Второй раз дрожь пробрала его, когда он выбрался из-под одеяла, – утренний холодок не упустил случая ущипнуть разгоряченное тело.

Дрожа и потирая ладони, Ивар направился к еле тлеющему костерку, у которого расположился, подкидывая в пламя сучья, Эйрик Две Марки.

– Что, проснулся? – спросил он.

– Ага, – ответил Ивар, оглядываясь.

Ночь еще царила над миром, лишь далеко на востоке, над самым морем, показалась белая полоса – предвестник рассвета. Луна зашла, на черном пологие неба виднелись только жемчужины звезд.

На ночевку викинги расположились на длинном песчаном мысу, подобно языку выдающемуся в море. Слегка шелестели, набегая на песок, волны, дующий с востока ветер нес запах сырости.

С момента разграбления Апардьона прошло семь дней. Тогда досыта нахватали всего – и радости от кровавой потехи битвы, когда погружаешь меч в тело очередного врага, не чувствуя усталости; и острого наслаждения от ужаса и боли терзаемых пленниц; и сладкой радости грабежа.

Добра в захваченном городе хватило всем. Даже Ивар заполучил новые сапоги взамен старых, которые давно пора было выкинуть, и роскошный плащ, сшитый из лисьих шкур.

– Отличная вещь! – тоном знатока изрек Вемунд, поглядывая на добычу Ивара. – Зимой она тебе пригодится, а пока спрячь!

Плащ оказался первой вещью, не считая оружия, которую Ивар положил в свой сундук, едва поместившийся под лавкой.

Оставив на месте города дымящееся окровавленное пепелище, драккар двинулся на юг. Туда, где солнце горячее, море теплее и края – богаче. Рана в боку оказалась пустяковым порезом. Она уже почти затянулась и не причиняла беспокойства. Руки привыкли к ежедневной гребле, мозоли на них сошли, потом появились вновь и начали потихоньку твердеть.

Пододвинув к себе чурбан, Ивар уселся на него, расположившись боком к костру. Не к лицу тому, кто на страже, смотреть в огонь. В темноте после этого ничего не увидишь и под собственным носом.

– Послушай, Эйрик, – спросил он вдруг. – А зачем это все?

– Что все? – недоуменно спросил Две Марки, сосредоточенно раздувая огонь.

– Походы, грабежи. Неужели нельзя жить дома и просто трудиться?

– Знаешь, никогда не думал об этом. – Эйрик оторвался от своего занятия и уставился на Ивара с таким изумлением, словно обнаружил на его месте восьми-ногого коня Слейпнира. – Наверное, просто потому, что нам это нравится! Куда веселее сражаться под началом вождя, не обделенного удачей, чем гнуть спину, выкорчевывая пни или вспахивая землю!

– Но ведь тебе приходится убивать!

– И что? Судьбы своей не изменит никто. – Эйрик Две Марки улыбнулся. – Кому суждено пасть от оружия, тот так и умрет. Так судили боги жителям этой страны – быть скотом для наших мечей.

– Но ведь и они могут убить тебя! – Ивар сам не очень понимал, зачем затеял этот разговор. Просто то, что он увидел и узнал за последнее время, настолько отличалось от привычной мирной жизни в усадьбе бонда, что душа молодого викинга томилась, требуя объяснений.

– Могут! Но умрут все, и большая часть умерших отправится в Хель, в царство ужаса и холода. Туда мне не хочется. – Эйрик замотал головой, показывая, насколько ему неприятен Сумрачный Мир. – И лишь тот, кто погибнет с оружием в руках, может попасть в Вальхаллу, на вечный пир героев! Так что сложить голову в бою – участь, достойная любого мужчины!

– Но ведь можно сражаться и дома, – покачал головой Ивар. – Бонды враждуют между собой, не говоря о ярлах и конунгах...

– Там придется лить кровь родичей, – неохотно ответил Эйрик. – За убийство тебя могут изгнать или объявить вне закона. Кроме того, что взять с обитателей какого-нибудь Халогаланда или Теламерка? Воевать из-за коров и земель – разве это дело?

– Ты совершенно прав. – Хаук, лежащий недалеко от костра, неожиданно приподнялся и оперся на локоть. – Ваш разговор был до того любопытен, что мне пришлось проснуться. Дело в том, что наша земля очень бедна, на ней не вырастишь много зерна, не выпасешь стад. Большому числу людей прокормиться там трудно. И что делать тем, кто оказался лишним, кому не нашлось места в давно поделенных между бондами Северных Землях? Дальше на

север – пустоши и льды. Зато на юге для того, кто способен одолеть, море, кто отважен и силен, лежит огромный мир, в котором люди слабы и не умеют сражаться, а богатства неисчислимы!

– Да, я понял, – покачал головой Ивар. – Раз боги создали слабых, то лишь только для того, чтобы их грабили сильные? Но почему так сложно?! Не проще ли поселить наш народ сразу в плодородных и богатых землях?!

– Когда-то наши предки жили на юге. – Тихий серьезный голос принадлежал Арнвиду, который тоже, как выяснилось, не спал. – В краях таких далеких, что даже название их стерлось из памяти. Но в ту пору они были слабы, и враги теснили их со всех сторон. И тогда вождь – земное воплощение Одина – увел предков на север, туда, куда врагам было не добраться. В тех землях мы стали сильными...

– Но почему?

– Ты слышал поговорку: «Северный ветер создал викингов»? – Арнвид привстал. На лице его заинтересованно блеснули глаза. – Там, где зима длится полгода, где морозы страшны, а земля скудна, могут выжить только сильные и выносливые! Только там могли появиться викинги! Ты понял?

– Да... э-э-э... – Мысли теснились в голове, точно форели в реке во время нереста. Разобраться в них сумел бы разве только великий мудрец.

Но эриль, похоже, хорошо понял состояние Ивара.

– Не пыхти, как медведь, дорвавшийся до меда, – сказал он. – Думать потом будешь. Сейчас твое дело – стражу нести! А от слишком умного на посту толку немного!

Конунг, отвернувшись, улегся, затих Арнвид, а Эйрик принялся вновь разводить костер, выискивая среди золы, непрогоревшие алые угли. Над морем медленно занималось утро.

Крупное селение возникло на берегу в самый нужный момент. От скуки викинги были готовы сражаться хоть с рыбами, а Вемунд извел всех разговорами о том, что от солонины у него сводит живот и пора бы попробовать свежего мяса. Но берег был пустынен, точно торба нищего, а мелкие рыбацкие деревушки драккар проходил не останавливаясь. Лодки рыболовов шарахались от него, точно мальки от хищной рыбы, и корабль с драконьей головой плыл дальше, тщась опередить слухи о собственном приближении.

И это, судя по всему, удалось.

В этой деревне, похоже, никто не ожидал прибытия викингов. Над зубчатым частоколом и островерхими крышами поднимались струйки дыма, из-за ограды доносился собачий лай, перемежаемый многоголосым мычанием. На берегу женщины стирали белье.

Завидевдвигающийся прямо к ним корабль, они истошно завизжали и, сверкая голыми пятками, понеслись вверх по косогору к селению. Брошенное на произвол судьбы белье, осмелев, отправилось в плавание.

– Кто там жаловался, что у него рубаха грязная? – спросил весело Хаук, когда одно из весел зацепило целый пук белой ткани. – Берите! Тут все чистое!

Ответом конунгу был дружный хохот.

Мирное течение жизни в селении явно нарушилось. Собаки стихли, а потом все дружно взвыли, точно предчувствуя чью-то смерть, но их вой заглушили испуганные вопли.

– Стадо большое, – сладострастно облизываясь, сказал Вемунд Бород. – Все угнать не успеют!

И, прыгнув на берег, он взмахнул секирой, носящей вполне заслуженное прозвище Великанша Битвы. Воздух в испуге загудел, расступаясь перед острым лезвием.

За Вемундом последовали остальные. Тесной группой взобрались по склону, надеясь быстро перемахнуть через частокол и начать резню. Но у селения их подкарауливала весьма неприятная неожиданность.

Ивар второй раз за время знакомства с Хауком увидел на его лице легкое удивление. Зрелище было странное. Словно ледяная глыба внезапно треснула, и сквозь нее пророс цветок.

Из-за частокола, выстраиваясь ровными рядами, выходили воины в одинаковых кольчугах и шлемах. Щиты их были покрашены синей краской, и даже копья оказались одной длины.

Впереди воинов вышагивал забавный коротышка с обнаженным мечом в руке. Такой меч на севере сгодился бы разве что для того, чтобы резать хлеб, а шлем низкорослого вояки, если содрать с него нелепые перья, смог бы с честью исполнять роль ведра.

– Что это? – недоуменно спросил Нерейд.

– Враги, – спокойно ответил Хаук, уже оправившийся от удивления. – Похоже, они нас ждали. Сегодня нам предстоит добрая битва!

Одинаковые воины, которых было довольно много – почти пять десятков, тем временем выстроили стену щитов. Позади копьеносцев виднелись немногочисленные лучники.

Коротышка забрался на поросший травой бугор и открыл рот.

– Слушайте, отморозки! Грабежами и зверствами вы вызвали гнев у меня, правителя этих земель Коиннеаха Могучего! Стоны народа достигли моего сердца, и наполнилось оно кровью...

Дальнейшую речь, полную самовосхвалений, слушать никто не стал.

– Могучего? – удивился Нерейд. – Да он такой же могучий, как я – невинная девушка!

– Как он нас назвал? – поинтересовался Хаук. – Отморозками? Что это значит?

– Должно быть, – с умным видом ответил Арнвид, – он именует нас теми, кто пришел от мороза. То есть с той стороны, которая насылает холода. Людьми с севера, нордманнами!

– Ага. – Конунг кивнул и принялся слушать дальше. Коротышка, наделивший сам себя прозвищем Могучий, перешел к более приземленным делам:

– ... и ждал я вас тут со своей верной дружиной пять дней, – выкрикивал он, отчаянно пытаясь и размахивая руками. – Зная, что не пройдете вы мимо беззащитного селения! Соблазнитеесь грабежом!

– Так они тут уже всех девок перепортили, – покачал головой Нерейд.

– И свиней самых жирных слопали, – печально вздохнул Вемунд.

– Тихо, – цыкнул на них конунг. – Дайте дослушать!

– ... и сегодня мы уничтожим вас, растопчем и порубим! Во славу великой Матери Богов! – Коротышка пухлой ручонкой утер пот со лба. – Впрочем, вы можете сдаться! Сильные рабы стоят недешево...

– Руби! – рявкнул Хаук. – Одину слава!

– Одину слава! – с дружным ревом викинги бросились вперед.

Глаза коротышки выпучились, а челюсть недоуменно отвисла. Как же так? Коиннеах Могучий привык, что его речи всегда дослушивают до конца. В этот раз все вышло не так. Неотесанные северяне – что с них возьмешь?

Он поспешно бросился за спины своих воинов, рявкнув:

– Вперед, идиоты!

Два строя столкнулись со страшным грохотом. С дерева, испуганно вопя, сорвались три вороны. Лучники бриттов выстрелить так и не успели.

На стороне воинов правителя были длинные копья и численное превосходство, на стороне викингов – сила и напор.

Торир Топор в Глазу один за другим метнул свои топоры, двое копеечников рухнули, и в стене щитов образовалась прореха. Она, не успев затянута, как в разрыв, разя мечом опеших врагов, ворвался Хаук. На другом фланге неосторожный воин ткнул копьем в лицо Кари Ленивого. Ощувив боль в ране, огромный викинг на мгновение замер, а затем от крика его содрогнулся берег.

Глаза Кари стали багровыми, отброшенный в сторону щит сбил с ног копьеносца, собравшегося вонзить меч в бок Нерейду. Ленивый врубился в строй врага, точно кабан в камыши.

Копья ломались об него, мечи отскакивали. С треском и грохотом он шагал вперед, ломая ребра, сворачивая головы, круша челюсти. От ударов его не было ни защиты, ни спасения.

Ошеломленные чудовищным напором, воины с синими щитами начали отступать. Они еще держали строй, но вид человека, перед которым бессильно оружие, сломил их дух.

Они пятились шаг за шагом, а за их спинами бесновался и орал коротышка, размахивая смешным мечом. Лицо его побагровело, глаза выпучились. Все это сделало Коиннеаха Могучего похожим на огромного рака.

Ивар сражался спокойно и расчетливо, прикрывая бок конунгу. Он не лез вперед, зная, что для этого есть другие, более умелые и опытные воины. Желание удрать и спрятаться, которое у него возникало ранее при виде обнаженного оружия и льющейся крови, на этот раз вело себя тише воды, ниже травы. Правда, в глубине души ворочался страх получить рану или быть убитым, но вырваться ему наружу Ивар не позволял. Да и не до того было.

Он двигался вперед, нанося удары и отбивая их, принимая копья на щит и пытаясь отрубить копейные наконечники. Вряд ли Ивар кого-либо сразил в этот раз, но к славе великого воина, убивающего врагов десятками, он и не стремился.

Битва затягивалась. Воины Коиннеаха упорно не желали бежать. Они гибли один за другим, но все же их было много, почти в два раза больше, чем викингов, и чтобы истребить или вывести из боя их всех, требовалось время. Ивар ощущал, как меч становится все тяжелее, как щит оттягивает левую руку все увеличивающимся грузом, и даже кольчуга, привычная, как собственная кожа, начинала тяготить плечи. По спине тек пот, а волосы под шлемом были мокры насквозь.

Кари продолжал ломиться сквозь строй противника. К нему присоединился Сигфред, в боевом безумии он отшвырнул прочь щит, кинулся на ближайшего врага и задушил его голыми руками. Труп с посиневшим лицом остался лежать на земле, и глаза его застыли в последнем удивлении...

Этого дружинники Коиннеаха не выдержали. Одновременно, точно так же, как и наступали, они развернулись и побежали. Ивар не успел остановить удар, и меч его со свистом рассек пустоту, отчего молодой викинг едва не упал.

Коиннеах Могучий вознамерился удрать вслед за войском. Он даже отбросил в сторону меч, мешающий быстрому бегу. Но короткие ноги подвели его. Нерейд в два счета настиг правителя окрестных земель и повалил на землю.

– Кх... пусти! – шипел тот, отчаянно размахивая руками. – Я прикажу... кхх... кинуть тебя диким зверям! Посадить на кол!

Рыжеволосый викинг, не обращая на болтовню пленника внимания, ухватил его за шиворот и волоком потащил к конунгу. Ворот сдавил Коиннеаху горло, и тот прекратил ругаться.

– Ну что скажешь теперь? – спросил Хаук, когда Могучий оказался перед ним, распростертый на земле, точно заячья шкура. В руке конунга был меч, окровавленный по самую рукоять, и при взгляде на него глаза пленника увлажнились от страха.

– Я... – пискнул он. – Не думал... Мы...

– Что ты не думал? – спросил подоспевший Арнвид. Обычно эриля берегли, не пуская в бой, но на этот раз и он обагрил меч. – Что мы не разнесем твое вшивое войско?

– Я... ы... э, – Коиннеаха трясло, по его щекам стекали крупные капли пота, похожие на росинки. – П-п-поща-дите...

– Ты называешь себя конунгом? – с брезгливой миной на лице спросил Хаук. – Какой же ты конунг, если не сражаешься впереди своих воинов? Какой ты конунг, если, подобно червю, извиваешься около моих ног, моля о пощаде? Конунг принимает судьбу с достоинством, не скуля, как побитая собака!

Могучий сжался, будто улитка, лишившаяся панциря, глаза его зло заблестели, а голос неожиданно обрел силу:

– Да, вы гнусные отморозки! Долго вы грабили земли Британии! Но теперь этому придет конец!

– Это еще почему? – удивился Арнвид.

– Могучий король появился на юге! – горделиво выкрикнул Коиннеах Могучий. – Имя ему – Артур. Его рыцари непобедимы в бою, а его замок, Камелот, самый большой во всем мире!

– Что такое замок? – заинтересовался Вемунд, оторвавшись на мгновение от заточки секиры.

– Это такая груда камней, в которой можно жить, – охотно пояснил Арнвид.

– Ага. – Вемунд глубокомысленно кивнул и вернулся к прерванному занятию.

Коиннеах тем временем продолжал вещать.

– Его рыцари придут с юга! – вопил он. – И сокрушат вас, и уничтожат! Да так, что заречетесь вы вступать на нашу землю!

– Не ори, – бросил Хаук негромко, но пленник тотчас замолк, подавившись криком. – Где этот твой Артус и его рыцари обитают?

– Артур и его рыцари! – прохрипел Коиннеах и принялся объяснять.

Из его рассказа выходило, что доблестные и непобедимые воины под началом могучего и справедливого короля, владеющего волшебным мечом, обитают далеко на юге, у полуденного побережья Бретланда.

– Да, это десяток дней пути, – покачал головой Хаук, выслушав рассказ. – Прощай, Коиннеах! Ты был плохим правителем, но в благодарность за твой рассказ я дарю тебе легкую смерть!

Меч конунга метнулся вперед со скоростью пикирующего коршуна. Коиннеах дернулся и в изумлении уставился на клинок, вонзившийся ему под подбородок. Затем глаза его закатились, и тело рухнуло на землю.

– Чего застыли? – Хаук повернулся к дружинникам, которые все как один столпились вокруг, слушая разговор. – Мы что, зря сражались? Вперед – грабить и убивать!

Викинги с восторженным ревом кинулись к окруженному частоколом селению, а конунг про себя пробормотал:

– Ну что за болваны! Пока мы тут болтали, даже хромые и безногие успели удрать в лес!

Бриттов Грим кольчуги
Метил углем рети,
Мяса рвал досыта
Лебедь сока раны.

Строки висы, посвященной недавней битве, падали одна за другой, заставляя пламя костра то в испуге прижиматься к земле, то с ревом взвиваться к низкому вечернему небу. Недаром говорят, что слова в устах эриля способны изменить мир.

В речах Хильд
низверглись – кто под небосводом
Хауку подобен? —
В пищу коням ведьмы.

Викинги сидели неподвижно, и ни один не проронил ни звука. Слышно было только, как трещат дрова да грохочет неподалеку разошедшееся под ударами северного ветра море.

– Ты почтил меня великой честью, Арнвид Лысый, – проговорил Хаук, вставая. Судя по голосу, он был доволен, хотя на неподвижном лице прочитать этого было нельзя. – Прими от меня дар, достойный тебя!

В пламени костра блеснуло массивное золотое запястье, которое конунг до сего дня носил не снимая.

– Благодарю! – Эриль принял дар. – Думаю, что ко мне с этим запястьем перейдет и часть твоей удачи, о конунг!

– Несомненно! – Хаук сел. – Удача конунга всегда с теми, кто поддерживает его, и отворачивается от тех, кто предаёт своего вождя! Но сейчас нам нужно решить, что делать дальше, плыть далеко на юг, чтобы сразиться с великими воинами, там обитающими, или брать добычу там, где мы всегда ее брали! Прежде чем решать, я должен знать мнение дружины! Говорите!

– Я скажу. – Эйрик Две Марки распрямился. Пламя костра время от времени вырывало из полутьмы его лицо, покрытое многочисленными морщинами. Волосы опытного воина блестели серебром. – Путь так далеко на юг опасен. Туда плавали считанные единицы викингов, и все они грабили Валланд, к южному же побережью Бретланда не ходил никто. Ты сам сказал, конунг, что хорошую добычу можно взять, не уходя далеко на юг. Стоит помнить о том, что подвиги сгинувших не воспоеет никто!

– Хорошо. – На каменном лице Хаука не дрогнул ни единый мускул, точно речь Эйрика была ему безразлична. – Кто еще хочет сказать?

– Позволь мне, конунг. – Нерейд Болтун хищно ухмыльнулся, обнажив два ряда острых белых зубов, которым позавидовал бы волк. – Что более достойно мужчины – резать беззащитных овец, которые даже не в силах сопротивляться, или снискать себе славу, сражаясь с такими же мужами? Нужно идти на юг, проверить крепость мечей тамошних обитателей! Еще никому не удавалось победить викингов. Не смогут и они!

– Я понял тебя. – Конунг вновь остался безучастен, по его виду нельзя было догадаться, какое из решений ему больше по душе. – Кто еще хочет высказаться?

Дружинники говорили один за другим, даже немногословный Кари пробурчал несколько слов, и большинство склонялось к тому, что неплохо бы сплавать на юг, посмотреть, кто такие рыцари и что за король Артур правит ими...

Неожиданно обнаружилось, что не высказался один Ивар.

– Что ты скажешь? – спросил конунг, обращаясь прямо к нему. – Что тебе больше по сердцу?

– А что я? – смутился Ивар. – Я – как все...

– Да, – покачал головой Хаук. – Для битвы ты уже набрался смелости, для речей – нет. Запомни – в нашей дружине нет рабов и каждый имеет право слова, особенно когда конунг просит совета. В следующий раз начнем с тебя! А теперь...

Он обвел свое воинство взглядом. Убитых после боя с отрядом Коиннеаха Могучего не было, ранены оказались только трое. Все сыты и здоровы, чуть не лопаются от наполняющей их силы, во взглядах – готовность сражаться с кем угодно, пусть даже с великанами или чудовищами.

С несколькими сотнями таких воинов можно завоевать мир.

Но у него их всего три десятка.

– Идем на юг! – объявил Хаук громко. – Там на корабле осталось три бочки пива! Тащите их сюда, попируем перед дальним походом!

Словно приветствуя решение конунга, костер затрещал, выбросив вверх целый сноп ярких оранжевых искр. Викинги встретили слова вожака дружным одобрительным ревом.

– Эй, смерд, не в этих ли местах правит конунг Артур?

Спрашиваемый крестьянин, которого Даг с Нерейдом отловили в разоренной только что деревне, похоже, совсем ничего не понимал. Он бешено вращал глазами и бился в руках викингов, словно пойманная рыба. Вопрос Хаука остался без ответа.

– Прирезать его, да и дело с концом, – прошипел разозленный Арнвид, которому во время разграбления бревном ушибло бедро.

– Не надо! Не надо! – взвыл крестьянин, вдруг обретя дар голоса. – Пощадите! Все скажу!

– Что скажешь? – подозрительно поинтересовался конунг.

– Все, что спросите!

– И то, как попасть в Асгард? – Арнвид был сама язвительность.

– Ладно тебе, – одернул эриля Хаук и вновь повернулся к крестьянину. – Не ответишь сейчас – уьем. Не знаешь ли, где правит конунг именем Артур?..

С момента, когда отплыли на юг, прошло семь дней.

В море тогда смогли выйти только к полудню. Лица у всех были перекошены, словно у больных. Ветра не было, и пришлось грести. Но на веслах драккар двигался чуть не вдвое медленнее, чем обычно. Тучи разошлись, и солнце пекло викингам головы. Многие разделись до пояса, и над кораблем поплыл терпкий запах крепкого мужского пота, забивающий даже аромат пивного перегара.

Гребли весь день до вечера, когда удалось немного пройти под парусом.

Последующие дни ничем не отличались от первого. По левую руку простиралось море, иногда хмурое, иногда весело нежащееся под яркими лучами светила, по правую – лесистый, изрезанный заливами берег. Стоящие на нем деревушки мгновенно пустели, стоило их жителям заметить корабль с драконьей головой на носу. Несколько раз попадались пепелища с торчащими столбами и остатками стен. Тут когда-то тоже были селения, но пришедшие с севера беспощадные воины уничтожили их. Уцелевшие обитатели решили не восстанавливать дома, а уйти в глубь страны, подальше от моря.

При виде одного из таких пепелищ, на котором, судя по всему, стоял крупный, не меньше Апардбона, город, викинги оживились. Они тыкали на берег пальцами и радовались, оживленно переговариваясь.

– Смотри, – сказал Ивару проснувшийся по такому случаю Вемунд. – Тут, судя по всему, славно накормил воронье конунг Хреки Весельчак! Три или четыре, уж не помню, года назад!

Ивар смотрел во все глаза.

А еще через два дня после этого случая берег резко свернул на запад. На юг продолжало тянуться море, серое, покрытое белой вышивкой волн. Конунг велел править к земле.

– Узнаем, куда плыть! Может, мы уже на месте! – сказал он.

Жители оказавшейся поблизости деревушки были не столь расторопны, как их северные родичи, куда более привычные к набегам. Крестьяне сообразили, что творится что-то неладное, лишь когда запылал один из домов. Женщины принялись визжать и метаться, мужчины – суетиться и вопить, и лишь самые осторожные вовсю удирали к лесу.

Соскучившиеся по грабежу викинги разоряли деревню долго и со вкусом. Убили, тем не менее, только тех, кто сопротивлялся, дав остальным сбежать, натешились с женщинами, которых тоже отпустили. Лишь одного мужика, нужного для допроса, скрутили и привели к конунгу...

– Король Артур? Вы о нем спрашиваете? – закивал наконец тот на повторный вопрос. – Эти земли принадлежат ему, как и вся Британия!

– Так уж и вся? – усомнился Арнвид, поглаживая все еще болевшее бедро.

Не обращая на эриля внимания, конунг продолжал спрашивать:

– А где расположена его усадьба? Этот, как его...

– Замок, – подсказал Ивар.

– Да, он самый! – Хаук грозно глянул на пленника. – Отвечай или умрешь!

– Всем известно, – трясясь от страха, выпалил крестьянин, – что замок Камелот высится на холме неподалеку от Гластонбери и там пирует король со своими славными рыцарями за круглым столом!

– Ты пальцем покажи, куда плыть, – прервал выпренные речения, достойные включения в сагу, конунг. – Или туда по суше надо добираться?

– Три дня на запад вдоль берега, – поспешно сообщил пленник, при этом на его лице, как заметил Ивар, мелькнуло злорадство. Прочие, похоже, не обратили на это внимания. – А там только по суше.

– Ладно, отпустите его, – махнул рукой конунг. – Но если ты, червь, обманул меня, то знай, что мы вернемся и вырежем вас всех! Ты умрешь последним, в приятных моему глазу мучениях!

Крестьянин, поспешно и низко кланяясь, пятился...

– На корабль! – скомандовал Хаук, и викинги принялись спускаться к покачивающемуся на волнах драк-кару. Кари тащил пару реквизированных в деревне бочек пива, которое было признано сносным; влекомые Ве-мундом, жалобно блеяли плененные барашки, которым суждено было сегодня пасть смертью храбрых под острым ножом.

Время и силы в деревне были потрачены не зря.

Драккар стремительно продвигался на запад, не останавливаясь, хотя селений и городов на берегу попадалось много. Места эти воистину были богатые, но конунг упорно гнал дружину вперед. «Потом, все потом! – твердил он. – На обратном пути!» Викинги скрипели зубами и налегали на весла.

Почти полдня плыли недалеко от отвесных скал чисто-белого, не оскверненного грязью цвета. Обрыв высотой в десятки человеческих ростов падал вниз отвесной стеной, словно меч гневного бога ударил здесь, положив предел суше. Волны грозно клочкотали у подножия белых утесов, тщаь разбить их и повергнуть в прах.

На третий день пути деревни и города с берега куда-то исчезли. Тянулись пустынные холмы, заросшие редким лесом. Время от времени попадались развалины, но на них не было следов огня. Похоже было, что жители просто бежали отсюда, аккуратно вывезя все ценное.

– Что у них тут такое было? – недоуменно спросил Арнвид, втягивая воздух носом, как собака, старающаяся взять след. – Мор? Так ведь не похоже!

Вопрос эриля остался без ответа.

Громадное черное строение, гордо вознесшееся на скале, высившейся у самого берега, появилось из-за мыса неожиданно для всех. Ошеломленные викинги побросали весла и уставились на него во все глаза.

Поначалу Ивар не мог поверить, что это не просто причудливой формы скала, порожденная волей богов, а сложенное из камней жилище. Но ровные зубцы на стенах, высокие башни и узкие окна, похожие на щели, свидетельствовали о том, что все это создано руками людей.

– Что это, замок? – удивленно спросил кто-то из викингов.

– Похоже, что он, – процедил Арнвид сквозь зубы.

– Камелот? – спросил Хаук и тут же ответил: – Скорее нет. Ведь тот селянин говорил, что к замку надо идти по суше...

– В любом случае нужно причалить и разузнать! – влез в разговор Эйрик.

– Хорошо, – кивнул конунг. – Правь вон к той бухточке. Там можно высадиться.

Глава 5

ЧЕРНЫЙ ЗАМОК

Прямого пути к замку от моря не было. Довольно крутой склон сплошь зарос колючим кустарником с узкими и блестящими листьями. Гибкие ветви переплетались, образуя темно-зеленую стену. Пробриться через нее смог бы разве что тролль, чья шкура тверже камня.

Викингам пришлось искать обходной путь.

Большую часть дружины Хаук оставил сторожить драккар, и по узкой тропочке, змеей выющейся среди укоренившихся на откосе деревьев, поднимались шестеро: сам конунг, любопытный эриль, удержать которого на корабле не смогли бы даже боги, оба берсерка, Торир со своими топорами и Ивар. Конунг после того ночного разговора благоволил к нему, выделяя даже среди более опытных и умелых воинов.

Косогор резко оборвался, сменившись пологой, уходящей на север равниной, поросшей негустым сосняком.

Среди стволов хвойных великанов нашли приют деревья поменьше, густо разрослись кусты малины и ежевики. Но что было удивительно – слух не мог уловить даже отдаленных звуков птичьего пения, словно все крылатые обитатели покинули эти места. Роскошно зеленеющий лес выглядел вымершим.

– Странно это, – проворчал Арнвид, принохиваясь с озабоченным выражением лица. – Не обошлось без колдовства!

– Если кто и испугается колдовства, то только не мы! – Хаук надменно выпятил подбородок и решительно зашагал к замку.

Вокруг огромного каменного сооружения лес был вырублен, на вырубке густо колосилась трава. Со стороны суши замок прикрывал ров, за которым высились иссиня-черные, словно сотканые из ночной тьмы стены и башни. Замок казался мертвым, ни единого стража не было видно на укреплениях.

На самом краю рва невесть как уцелел огромный дуб, похожий на превратившегося в дерево великана. Искривленным в муке ртом выглядело дупло, руками – раскинутые в стороны ветви толщиной с хорошую бочку. На них висели вытянутые предметы, мало похожие на листья и еще меньше – на желуди.

Викинги остановились на опушке, почему-то не решаясь выйти на открытое пространство.

– Щиты! – вдруг выкрикнул Арнвид, звучно хлопнув себя по лбу. Шлепок получился смачный, словно по доньшку пустого котелка. – Это щиты!

– Там, на дереве? – недоуменно спросил Кари, морща лоб. От него донесся явственный скрип не привыкшей двигаться кожи.

– Точно, – подтвердил Хаук, – я слышал о таком. На этих щитах воины южных стран рисуют знаки, чтобы узнавать друг друга в битве.

Ивар присмотрелся повнимательнее. Развешенные на дереве щиты были непривычной каплевидной формы, а поверхность их действительно была покрыта рисунками. Деталей разглядеть было нельзя из-за расстояния, но бросались в глаза яркие краски: алый цвет заката, желтый – золота, серебро лунного сияния, синева моря, зелень трав, голубизна летнего неба...

Словно радуга спустилась на землю.

Но один щит, самый большой, отличался от прочих. Он расположился ниже всех, и поверхность его зияла чернотой под стать стенам замка. Рядом с ним на цепочке висел громадный молот.

С севера донесся частый перестук копыт. По дороге, тянувшейся через поле, мчался всадник. Лошадь под ним, была белой масти, а доспехи, совсем не похожие на привычную для воинов севера кольчугу, сверкали серебром. Он словно светился, заставляя глядящих на него жмуриться. В руке всадник держал длинное, в два человеческих роста копьё, уперши его в стремя.

– Сколько же на нем железа? – изумился Сигфред. – И шлем с личиной, и даже на ногах башмаки из стали, и на коне что-то болтается...

– Это рыцарь! – тоном знатока заявил Арнвид. – Их всегда можно узнать – они доспехи только в бане и снимают!

Серебряный всадник тем временем приблизился к дубу, извлек из седельной сумы рог, окованный железом. Поднес его ко рту, и над вырубкой прокатился чистый, красивый звук.

– На бой хозяина вызывает! – понял догадливый эриль.

Но черный замок по-прежнему хранил безмолвие. Никто не появился на его стенах, чтобы взглянуть на храбреца, ворота оставались закрытыми.

Рыцарь протрубил еще раз, а затем повел себя довольно странно. Он спрыгнул с коня и, подойдя к дубу, ухватился за подвешенный на цепочке молот. С видимым усилием поднял его и ударил в черный щит.

Тот едва колыхнулся, издав мощный гудящий звук, от которого у викингов засвербело в ушах, а земля, как почудилось им, качнулась.

На такой призыв было трудно не ответить.

Белый рыцарь не успел вернуться в седло, как подъемный мост замка с грохотом упал, перекрыв ров. Ворота распахнулись, и, топоча копытами, на мост выехал всадник.

Вороной конь его был больше самого крупного лося, а наездник посрамил бы статью йотуна. Плечи его были так широки, что между ними можно было уложить меч, а голова превышала размерами пивной котел. Его копьё было выстругано из цельного ствола, а щит больше походил на дверь. Доспехи хозяина замка были точно вымазаны смолой, казалось, что конь и всадник вылеплены из единого куска мрака.

– Ты вызывал меня? – пророкотал черный всадник низким голосом.

– Да! – звонко ответил его противник. Он уже был в седле, белый конь гарцевал, готовый к атаке.

– Твой щит я повешу рядом с прочими! – равнодушно ответил черный рыцарь, съезжая с моста на землю. Пространство вдоль рва было истоптано так, словно тут резвился табун диких лошадей.

– Я, рыцарь Зеленой Раковины, никогда не отступал! – пылко воскликнул белый всадник. – Я отомщу тебе за моих товарищей, которых ты сразил подлым обманом!

– Я убил их лицом к лицу, – равнодушно пророкотал хозяин замка. – Как убью и тебя.

Он развернул коня мордой к противнику, опустил копьё, и в тот же момент рыцарь Зеленой Раковины сорвался с места. Словно серебристый вихрь, пронесся он по полю, и копьё его с грохотом ударило в щит черного всадника. Тот пошатнулся, но устоял.

– Кто еще говорит о подлости! – прорычал он, пока его противник разворачивал коня для новой атаки.

Во второй раз сшибка произошла на полном скаку. Громогласный лязг пронесся над полем, земля вздрогнула, когда серебряный вихрь со всего размаха ударился о черную гору. Во все стороны полетели щепки, из-под конских ног облаком взвилась пыль.

Когда она рассеялась, обнаружилось, что оба противника остались в седлах, вот только вместо копий у них в руках – жалкие обломки.

– Продолжим! – рыкнул черный рыцарь, отцепляя от седла огромную секиру из вороненой стали. Его противник вооружился мечом, похожим на застывший луч лунного света.

– У темного руки длиннее, – уверенно оценил Хаук. – Он и победит.

Но поначалу предсказание конунга не сбывалось. Поединщики съехались близко, и белый рыцарь атаковал. Меч его сверкал, поражая противника со всех сторон. Тот прикрывался щитом, отмахивался секирой и глухо рычал, точно обиженный медведь.

Однако доспехи черного оказались крепки, щелей в них не нашлось, а первый же удар секирой, попавший в цель, заставил рыцаря Зеленой Раковины пошатнуться. Черный всадник торжествующе взревел и сам перешел в наступление. Легко отбросив щитом меч соперника, он обрушил свое оружие ему на шлем. Послышался треск, и рыцарь в сверкающих серебром доспехах кулем свалился с коня, вольно раскинув руки. Жеребец его с истошным ржанием помчался прочь от замка, белый хвост его и грива стелились по ветру.

– Ну что? – Черный рыцарь тяжело спрыгнул с коня, заскрежетали сочленения его доспехов. Видно было, что победа далась ему нелегко. – И ты будешь говорить, что я убил тебя подло?

Сброшенный с седла воин пытался приподняться на локтях, но руки подламывались, а голова в разрубленном шлеме бессильно моталась. Отвечать он, судя по всему, не мог.

Победитель припал на колено. В его руках возник кинжал с острым и длинным лезвием.

– Твой щит займет достойное место среди прочих трофеев, – проговорил черный рыцарь и стремительным ударом вбил кинжал под мышку сопернику. Тот дернулся и затих.

– Надо было мне с кем-то поспорить, что он победит! – сказал Хаук, покачивая головой.

– Кто бы стал с тобой спорить! – тихо ответил ему Арнвид.

Черный рыцарь тем временем отложил в сторону щит поверженного воина, ухватил труп за шею и без видимых усилий потащил к замку.

– Что он собирается делать? – с изумлением спросил Ивар.

– Тихо ты! – цыкнул на него конунг. – Все сам увидишь!

Тело белого рыцаря было сброшено в ров. Раздался плеск, а потом какой-то неприятный скрежет, словно острые когти скребли по металлу. Хозяин же замка, прихватив щит побежденного, направился к исполинскому дубу. Там он замер и принялся что-то бормотать, раскачиваясь всем телом. Вокруг головы его постепенно сгустилось темное облако, точно из ушей черного рыцаря валил дым.

– Чую чары! – изрек авторитетно Арнвид.

– Их только дурак не почует! – ответил ему язвительно Торир Топор в Глазу. – Понятно, что тот здоровила там не сагу сам себе рассказывает!

Белый щит с изображенной на нем зеленой ракушкой медленно поднялся с земли и, как пушинка одуванчика, несомая ветром, поплыл по воздуху. Взлетев на три человеческих роста, он ловко повис на одной из ветвей.

– Здорово! – похвалил Арнвид. – И не надо по стволу ползать, обдирая пузо!

Черный рыцарь, облако вокруг головы которого рассеялось, медленно побрел к замку. На свист его прибежал вороной конь, и они вместе, хозяин и животное, вступили на подъемный мост. Тьма под аркой ворот поглотила их, и в тот же момент мост с грохотом поднялся, отрезая замок от внешнего мира.

Вырубка вновь была пустынна, о случившейся схватке напоминала только примятая трава да несколько кровавых пятен на том месте, где лежало тело белого рыцаря.

– Ну и что будем делать? – спросил Арнвид, задумчиво оглаживая лысину.

– Надо узнать, где живет король Артур, – резонно заметил Хаук. – А проще всего спросить это у здоровяка в черном, что живет в этой каменной усадьбе...

– В замке, – подсказал эриль.

– Хоть в бочке! – Сказав так, конунг решительно двинулся на открытое пространство. Стебли травы хрустели, ломаясь под его сапогами.

Викингам ничего не оставалось, как последовать за ним.

Вблизи дуб оказался еще больше. Чтобы увидеть его вершину, приходилось задира́ть голову, а коричневый морщинистый ствол не обхватили бы, взявшись за руки, и десять человек. Яростно взи́рал он на пришельцев, и тысячи листьев на его ветвях тревожно шелестели.

Щитов на дубу висело великое множество. Все они были ярко раскрашены. Ивар увидел изображения драконов, змеев, кабанов, еще каких-то диковинных незнакомых зверей. Иные картинки были вовсе непонятны.

– Да, много народу положил этот дядька! – уважительно пробормотал Арнвид. – Может, не стоит с ним связываться?

– Ты что, трусишь? – презрительно искривил губы в улыбке Торир.

– Нет, проявляю разумную осторожность!

– Иди лучше сюда, – позвал его конунг, стоявший у черного щита, самого большого из всех. – Тут написано чего-то!

– Так, – наморщил лоб эриль приблизившись. – Это не руны, это южные знаки... Так... Ага... Кто по щиту моему постучит, тот потеряет свой собственный щит, – прочитал он нараспев.

– Хорошо. – Конунг кивнул, и пальцы его сомкнулись на рукояти висящего рядом молота, который размерами поспорил бы, наверное, с самим Мьёлльниром.

Ивар увидел, как лицо Хаука побагровело от напряжения, как надулись жилы на его запястье.

Молот тяжело ударил в край щита, и раздался мощный, вибрирующий звон. Конунг с громким «уфф!» выпустил рукоять, и молот вновь повис на своей цепочке. Ветка, к которой он был прикреплен, чуть скрипнула.

Ворота замка не открывались долго. Видимо, хозяин его не рассчитывал на столь скорый повторный визит в свои владения.

– Ну и где он там? – нетерпеливо спросил Торир, подбрасывая и ловя на лету один из своих метательных топоров.

В тот же момент ворота с гулом открылись. Лязгну́л, опускаясь, подъемный мост. Загрохотали по нему копыта черного скакуна, каждое из которых по размеру превосходило немаленькое блюдо. Новое копьё, не меньше первого, сломанного в схватке с белым рыцарем, возносилось к небу, и тускло светился металл наконечника.

Завидев викингов, черный рыцарь остановился. В сочленениях его доспехов что-то заскрежетало, исполинский конь недоуменно всхрапнул и замотал головой.

– Вы кто такие? – Низкий рык из-под глухого шлема был полон изумления и гнева. – Как посмели вы потревожить мой щит?

– Я желаю сразиться с тобой! – гордо ответил Хаук.

– Ты? Со мной? – Черный рыцарь расхохотался – словно терлись друг о друга две шершавые железные пластины. – Я – Черный Рыцарь, ужас Британии, сразивший лучших ее воинов! А ты, кто ты такой?

– Я конунг, и имя мое Хаук Лед. Оно весьма известно в Северных Землях. – Лицо предводителя викингов не дрогнуло, но в светло-голубых глазах засветился гнев. – Никто не посчитает себя обесчещенным, выйдя со мной на поединок!

– Северянин? Конунг? – Огромный всадник чуть наклонил голову, словно желая получше рассмотреть Хаука. В голосе его скользнули нотки неуверенности. – Но я быюсь только с рыцарями! Зачем мне твой щит, если на нем даже нет герба?

– Если надо, то мы нарисуем на нем чего-нибудь, – пожал плечами Хаук. – Мышку там... или лягушку!

– Можно червяка! – неожиданно оживился Арнвид. – Земляного! Тоже красиво!

– Вы что, издеваетесь надо мной? – Черный Рыцарь гневно захрипел, ловким движением удил поднял коня на дыбы. Тот замолотил копытами по воздуху, с них полетели комья земли. – Как мы будем биться, если у тебя даже лошади нет?

– Пешими! – ответил невозмутимый конунг. – Как вы заканчивали бой недавно. Или ты просто боишься?

– Я, боюсь? – Гигант взревел и ударил себя кулаком в грудь. От раздавшегося лязга Ивар чуть не оглох. – Бери меч, заморыш, и посмотрим, кто лучше!

Черный рыцарь принялся спешиваться, а Хаук повернулся к Арнвиду и озабоченно спросил:

– Что он имел в виду, назвав меня заморышем?

– Хмм... – Эриль задумчиво огладил лысину. – Он назвал тебя человеком из-за моря, заморышем.

– Ага. – Успокоенный конунг повернулся к противнику.

Тот уже избавился от копья и снял с седельного крюка секиру. По ее черному лезвию гуляли маслянистые блики.

– Начнем? – спросил он.

– Начнем! – ответил конунг и трижды ударил рукоятью меча в щит, приветствуя соперника.

Они сошлись: неправдоподобно огромный рыцарь в черной броне без щелей, и Хаук, чьи белые волосы серебрились на солнце, а кольчуга, опускающаяся почти до колен, мягко звенела при каждом движении.

Хозяин замка рывкнул, как рассерженный медведь, секира его устремилась вперед. Казалось, что Черный Рыцарь вот-вот разрубит конунга пополам, но тот мягким, кошачьим движением вывернулся из-под падающего на него лезвия и ударил сам. Меч его бессильно проскрежетал по металлу доспехов.

Зрители дружно вздохнули. Ивар нервно сглотнул.

Черный великан пригнулся и вновь ударил, на этот раз параллельно земле. Секира хищно свистнула, точно настигавший добычу коршун. Хаук подпрыгнул, ловко ускользая от направленной на него атаки.

Он уклонялся, уходил, уворачивался, не давая более сильному противнику задеть себя. Не стремился отразить удары клинком, пару раз подставил щит, скорее отводя в сторону, а не отбивая секиру. Несколько раз атаковал сам, но все время на пути стремительных выпадов вставала прочная сталь черных доспехов.

Хозяин замка больше не ревел. Он лишь сопел, словно простуженный бык, и со все большим и большим остервенением стремился поразить верткого северянина. Силы его казались неисчерпаемыми.

– Человек не может держаться так долго! – прошептал потрясенный Сигфред, глядя, как огромное вороненое лезвие летает, словно перышко.

Но вскоре, и даже неопытный Ивар это заметил, великан начал уставать. Удары его стали не столь стремительны, в движениях появилась замедленность, а в сопении слышались растерянные нотки. Хаук тоже выглядел усталым, лицо его покраснело, а волосы слиплись от пота.

Но вооружение конунга было гораздо легче, и свежести вождь викингов сохранил больше. Он кружил вокруг противника, выискивая слабые места в его защите, и бил, бил, бил...

Меч Хаука сверкал, будто молния.

Черный Рыцарь отбивался лениво, еле ворочая огромными ручищами. Большую часть ударов он пропускал, но меч не мог причинить ему вреда, разочарованно скрежеща по пластинам доспехов.

А затем вдруг случилось то, чего никто не ожидал.

Увлеченный атакой, Хаук близко подошел к противнику, и тот, с криком отшвырнув в сторону секиру и щит, бросился на соперника. Гигантские руки сомкнулись вокруг конунга, стремясь сдавить северянина в смертельном захвате. Лишь случайность спасла Хаука – в последний миг Черный Рыцарь обо что-то запнулся, и стальные перчатки бессильно царапнули воздух.

Хозяин замка с грохотом и лязгом навалился на землю. Та ощутимо вздрогнула.

– И что, – Хаук приставил лезвие меча к горлу успевшего перевернуться на спину соперника, – ты все еще собираешься отобрать у меня щит? Не время ли подумать о том, чтобы сберечь свой?

Черный Рыцарь яростно зарычал, и рык его отдался дрожью по всему телу Ивара. Казалось, что каждая косточка, каждый мускул, каждая частичка спешит поскорее убежать, покинуть то место, где звучат столь страшные звуки. Не в силах сдержать нестерпимой боли, молодой викинг рухнул на четвереньки. Рядом с ним падали соратники, опустил на одно колено Хаук. Лицо его побелело, а меч в руке ходил ходуном.

И только Арнвид, выставивший перед лицом руки, точно защищая глаза от ветра, удержался на ногах.

– И вы, жалкие черви, осмелились тягаться со мной?

В голосе, который грохотом сползающего с гор ледника рушился откуда-то сверху, не было ничего человеческого. Голос причинял боль, заставлял содрогаться от осознания собственного бессилия. Так мог бы говорить кто-либо из древних великанов, что мощью превосходили богов.

– Смеем. – Голосок Арнвида казался тонким и слабым, точно гудение комара рядом с ревом быка, но эриль не собирался сдаваться. Руки его двигались в воздухе с трудом, словно тот стал тягучим, как смола, на лице было видно напряженное усилие.

За ладонью Арнвида оставался хорошо видимый алый след, и когда руна, простая, известная всем руна Огня была закончена, она вспыхнула нестерпимо, точно меч Сурта в день Рагнарёка. Пламя хлестнуло по глазам, и тут же боль в теле исчезла. Ивар ощутил, что стоит на коленях весь мокрый от пота, а руки его подламываются от непонятной слабости.

И еще он был зол, очень зол на того, кто причинил ему такие муки.

С проклятиями поднимались на ноги викинги.

Черный Рыцарь на мгновение застыл, будто в растерянности, а затем по вырубке пронесся мощный мелодичный свист. Исполинский конь, весь бой простоявший неподвижно, словно скала, сорвался с места. Сигфред едва успел отскочить в сторону, чуть не затоптанный огромными копытами.

Хозяин замка поднялся и ловким движением вскочил в седло. Свистнул один из топов Торира и, бессильно звякнув, отлетел от черных доспехов, прочных, как будто их ковали цверги. Рыцарь пришпорил скакуна и с грохотом помчался к воротам замка.

– Трус! – крикнул ему вслед Хаук, но побежденный гигант не обратил на него внимания. Копыта прогрохотали по доскам подъемного моста, с лязгом захлопнулись ворота, и заскрипели цепи, окончательно замуравывая вход.

Огромная секира из вороненого металла и щит, который можно было использовать вместо стола, мирно лежавшие на траве, вдруг вспыхнули бездымным темным пламенем и в одно мгновение сторели, оставив две кучки серого пепла.

– Разрази меня Тор! – выругался Торир, а Кари гневно заворчал.

Хаук, лицо которого перекосила гримаса раздражения, отшвырнул щит в сторону. Тот с глухим треском ударился о землю и развалился – оставшиеся после боя трещины оказались слишком глубоки.

– Кто он такой? – спросил конунг, поворачиваясь к Арнвиду.

– Колдун, – поморщившись, ответил эриль. – Сила его велика, да только он должен платить за нее трупами! Иначе его хозяйка, Хель, возьмется за него самого! Вот почему в окрестностях замка нет ни животных, ни птиц, да и людей тоже...

– Он удрал с поля боя, как последний трус! – Лицо Хаука опять стало неподвижным, речь – ровной, но, учитывая его всегдашнюю ледяную невозмутимость, он просто кипел от ярости. – Мы должны его наказать! Сигфред – беги на корабль за помощью. Бери всех, кого можно, – будем штурмовать замок!

Услышав такое, Ивар недоуменно выпучился на предводителя. Недавняя злость исчезла, а при спокойном разглядывании черная твердыня, огражденная к тому же рвом, казалась неприступной. Высоки были ее башни, гладки и отвесны стены. Но, судя по тому, как вел себя конунг, у него не было и тени сомнения в собственных силах.

Сигфред убежал, а Хаук во главе маленького отряда отправился ко рву. Тот оказался залит темной маслянистой жидкостью, похожей на воду в торфяном болоте, вот только не бывает вода такой густой.

Внутри рва гуляли небольшие волны, хотя ветра не ощущалось, в глубине чувствовалось какое-то движение.

– Не стал бы я тут купаться! – глубокомысленно изрек Арнвид.

– Не сомневаюсь! – ответил ему конунг. – Ты высушить это сможешь? Боюсь, что иначе нам через ров не перебраться!

– Попробую! – Эриль вздохнул и закрыл глаза.

Лицо его отвердело, точно покрывшись каменной коркой, резко обозначились все до единой морщинки. Руки Арнвида замерли, а затем медленно принялись чертить в воздухе какой-то рисунок. На свет рождалась очередная сложная, составная руна, творить которые под силу только истинным мастерам, в совершенстве постигшим тайный дар Одина.

Из пальцев эриля струился серый дым и повисал в воздухе, не рассеиваясь. По мере того как добавлялись новые и новые линии, струи дыма темнели, пока не стали черными, как стены замка.

– Все! – Арнвид шумно выдохнул и открыл глаза. Висящая в воздухе руна с мелодичным звоном рухнула вниз и разбилась о землю.

В недрах родился тяжелый, мощный рокот. Казалось, там просыпается великан, который сейчас вырвется на поверхность и покарает тех, кто осмелился его разбудить. Ивар видел, как сотрясались башни несокрушимой твердыни, и сам с трудом удерживался на ногах.

Внутри рва что-то чавкало, ухало и клочкотало. Там и сям обнаруживались водовороты, небольшие, но очень сильные. Уровень жидкости медленно, но неотвратимо понижался.

Обнажилось дно, усеянное рытвинами и трещинами. Там и сям виднелись круглые отверстия, в которые с хлопаньем утекали остатки черной жидкости. Сотни жадных земляных ртов, открытых Арнвидом, втягивали ее, точно жаждущие путники – пиво.

– Ну и дрянь, – проговорил с отвращением Торир.

И только тут Ивар обратил внимание на тварей, с утробным ворчанием вылезавших из глубоких ям на дне рва. Они походили на тощих, лишенных волос людей. Вот только руки у них были непропорционально длинными, на пальцах поблескивали острые когти, которым позавидовал бы медведь, а короткие ножки уверенно ступали по грязи. Глухо завывая, твари ползли к людям. То, что из рва ушла черная жидкость, им явно не понравилось.

– Вот кому он скармливал трупы! – Лицо Арнвида исказила гримаса отвращения. – Твари темных миров, не живые и не мертвые...

– К бою! – коротко скомандовал Хаук.

Черные отверстия на дне рва, сделав свое дело, закрылись. Порожденные злым колдовством создания перемещались с обманчивой медлительностью, переползая через груды водо-

рослей, небрежно отшвыривая прочь ржавые пластины металла, некогда бывшие доспехами благородных рыцарей.

Конечно, можно было отступить. Но мысли об этом не мелькнуло даже у Ивара. Викинги выстроились в круг на берегу рва, готовясь отразить нападение.

– Срубайте им головы! – Эриль был серьезен, точно на похоронах.

Над краем рва появилась голова самой нетерпеливой твари. Курлыча, она выбралась на ровную поверхность, замерла на мгновение, вонзив острые когти в покрытую зеленой травой землю, и бросилась вперед.

Рывок ее был стремителен, но ответ Торира – еще быстрее. Что-то глухо чавкнуло, обезглавленное тело рухнуло на траву, скребя конечностями, точно огромный паук, а голова с оскаленной пастью, неожиданно большой, покатилась в сторону.

– Одна! – мрачно изрек Торири Топор в Глазу, взвешивая в руке второй метательный снаряд.

Над краем рва появилось еще несколько тварей. Завидев погибшего собрата, они застыли, а потом, мяуча, как оголодавшие коты, бросились на людей. Послышались глухие удары и треск разрываемого дерева. Ивар, не успев испугаться, махнул мечом, стремясь попасть в существо, атаковавшее Кари. Клинок скользнул мимо, но тварь дернулась и пропустила от могучего викинга удар, располозовавший ее почти надвое.

Но даже это не убило ее! Горели злобой глаза на морде, заменявшей у существа лицо, из медленно затягивающейся раны сочилась темная вязкая жидкость, похожая на смолу, а длинные конечности, в два раза превышающие человеческие, продолжали атаковать. Костлявые пальцы впились в щит Ивара, последовал рывок – и молодой викинг лишился щита.

Леденящей волной накатил страх. Выставив перед собой меч, Ивар застыл, а внутри зрело осознание неотвратимости собственной смерти. Он был беззащитен. Оставалось только умереть.

Раздавшийся прямо над ухом яростный рев вывел его из оцепенения. Глаза Кари, на щеке которого алело пять параллельных порезов, побагровели. Щитом он сшиб на землю одно из порождений черного замка, отбросил меч и с голыми руками бросился на других.

Испуганный визг ударился о стены замка и отразился эхом, когда берсерк одним движением ухватил тварь за ноги и разорвал пополам. Следующей он раздавил ребра, еще одной сломал обе руки. Прочим воинам оставалось только перерубать костлявые шеи обитателей рва.

Ярость оставила Кари, и он в изнеможении сел, бессмысленным взглядом шаря по траве, на которой громоздилось не менее десяти обезглавленных уродливых тел. С мягким шипением они оседали, превращаясь в черную слизь, которую медленно впитывала земля.

К тому моменту когда от драккара подросла подмога во главе с Эйриком, от страшилищ не осталось даже следов.

– Чем это вы тут занимались? – полюбопытствовал Нерейд, глядя на соратников, которые рядом сидели прямо на земле, на их изодранную одежду и порезы, украшающие руки и лица. – С кошками дрались?

– Тебе бы таких кошек! – огрызнулся Торири. – Ты бы как раз за мышку сошел...

Эйрик был спокоен и деловит.

– Что происходит, конунг? – спросил он. – Мы штурмуем этот замок?

– Да, – кивнул Хаук, поднимаясь с земли. – Его хозяин отказался угостить нас пивом!

Викинги недовольно заревели. А Ивар все никак не мог взять в толк – как же они собираются взобраться на высокие стены. Лестниц на корабле отродясь не водилось, а сколачивать их на месте – дело долгое, не для нетерпеливых морских удалцов, которые не привыкли к длительным осадам. Можно, конечно, забросить верёвки, но где взять настолько длинные и прочные? Стена тут каменная, и чуть ли не в полтора раза выше, чем в Апардьоне...

Сомнения его развеял конунг, который подошел к Ториру и спросил:

– Ты готов?

– Да, клянусь рукой Тюра! – кивнул тот, вскакивая, и схватил в руки топор. Не свой, а один из обычных боевых топоров, которых на драккаре было много. Только сейчас Ивар обратил внимание, что изрядное их количество было принесено воинами, пришедшими с Эйриком. – Надеюсь, нас никто не попотчует стрелой с этих стен?

– Вряд ли, – покачал головой Арнвид. – Людей там нет!

– Не важно. Все будем делать по правилам.

По знаку Хаука двое викингов с тяжелыми большими щитами встали перед Ториром. Так, втроем, они и двинулись к черным стенам, возвышавшимся по другую сторону разоренного рва.

Замок никак не реагировал на подготовку к штурму. Никто не показывался на стенах, безлюдны и тихи были башни. Хозяин укрепления тоже ничем не проявлял себя, как будто удаль северных храбрецов вселяла в него страх.

Щитоносцы остановились на самом краю рва, одновременно опустились на одно колено. Оставшийся неприкрытым Торир сделал резкое движение рукой, и тут же присел. Раздался жужжащий звук, точно по воздуху летел шмель размером с собаку, затем глухой удар. В нижней части подъемного моста, вонзившись в дерево на половину лезвия, торчал брошенный топор.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.